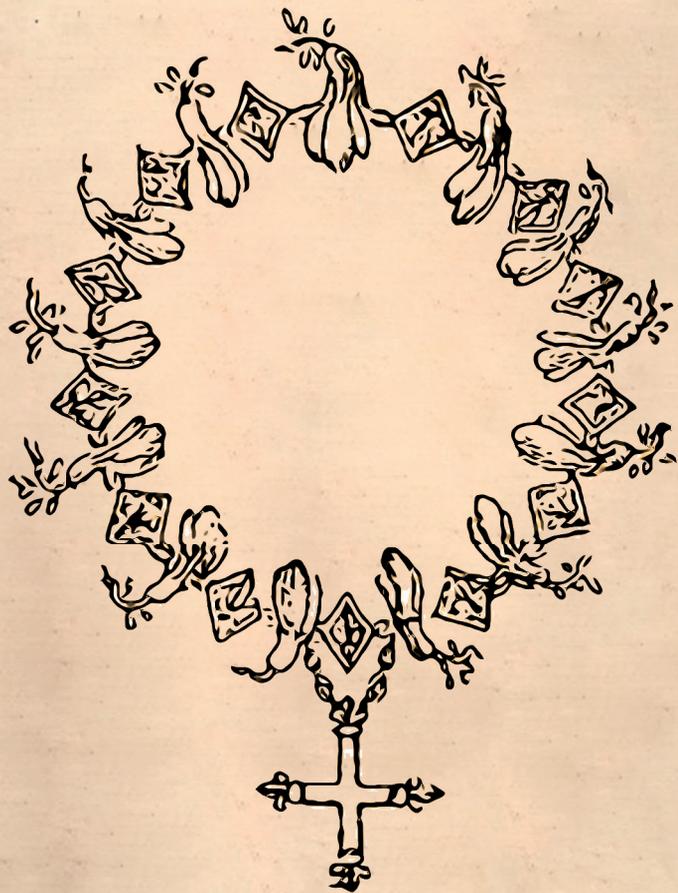

Андрей Добрый

ИМЯ ДРОКА

Андрей Добролюбский

Имя ДРОКА

УДК 300.3+301+930.1; 911.3 (477.74)

Добролюбский А. О. Имя ДРОКА. — Одесса:
Всемирный клуб одесситов, 2018. — 100 с., ил.

ISBN 966-7965-01-5

© А. О. Добролюбский, 2018
© Всемирный клуб одесситов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Интуиция профессора Бруна	7
«Рыцари Короны»	16
«Exaltat humilis»	30
Короли на «ярмарке тщеславия»	34
«Ему не было равного по энергии и свирепой силе»	42
Эйфория Карла Анжуйского	46
«Desperta ferres! Desperta!»	50
От пажа до кондотьера-вымогателя	57
За славой и добычей	67
«Друзья ромеев с давних времен»	70
Бойня на свадьбе	75
Триумф Рожера де Флора	77
Мсть за мсть	80
В предвкушении прекрасной Елены	87
Что же устроил «Промысл, все направляющий к пользе людей»?	91
Литература	97

*«...Не приставали ли тут
какие-то странствующие Каталаны?»
Профессор Ф. К. Брун*

ИНТУИЦИЯ ПРОФЕССОРА БРУНА

В самом конце XVIII столетия граф Ян Потоцкий, автор знаменитой «Рукописи, найденной в Сарагосе», обнаружил на самых ранних картах-портоланах необычные названия средневековых якорных стоянок на нынешних одесских берегах — Джинестра (Ginestra или Zinestra) и Флорделис («Flor de lisso»). Впрочем, истолкование значений этих имен казалось, на первый взгляд, не слишком затейливым — первое из них переводится с итальянского как «дрок» или «метелка», а второе, с испанского, — как «лилия». Поэтому, столетием позднее, профессор Ф. К. Брун предположил, что итальянские моряки, «как должно думать, различные пункты однообразного берега нашего, обозначали по предметам, которые на каждом из них в особенности бросались им в глаза».¹ Иными словами, дрок и лилии должны были здесь служить навигационными ориентирами для средиземноморских мореплавателей.

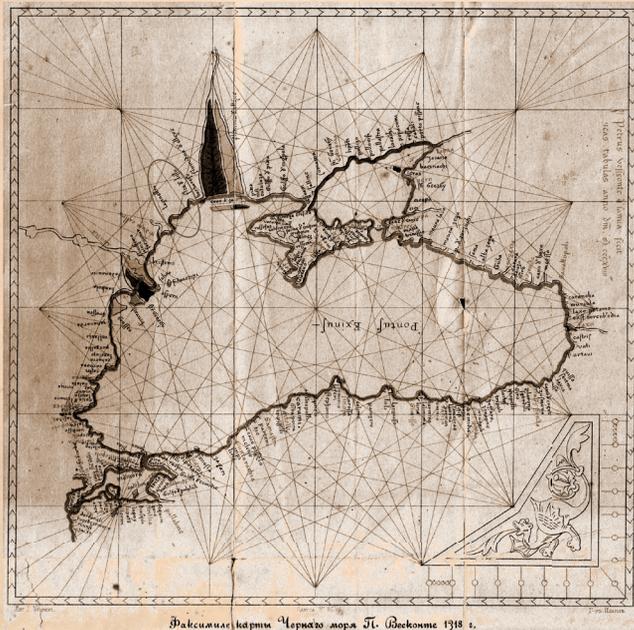
Но, если сегодня попытаться забраться в «заросли Джинестры» или в кустарники дрока на одесском побережье, то это будет не так легко. Потому как дрок здесь произрастает не более часто и гу-

сто, нежели в каких-либо других местах черноморского берега, и вряд ли в прошлом это было иначе. Равным образом, кажется не слишком понятным, почему именно здешние заросли дрока могли показаться итальянским колонистам особо привлекательными для изготовления джинестр-метелок.

То же можно сказать и об устьях Большого Аджалыкского лимана, или Тилигула — естественные заросли «флор-де-лис», или желтых ирисов, в них встречаются, по всей видимости, ничуть не чаще, чем в других местах. И трудно думать, что раньше было иначе.

Это значит, что для выяснения значения и смысла этих имен нужно искать другие пути. На возможности такого поиска указывает сделанная вскользь реплика того же Ф. К. Бруна о том, что Джинестра могла «быть прозвищем английских королей из дома Анжуского», а «флор-де лис» — «напоминает нам старинный французский герб».

В самом деле, вовсе не секрет, что ветка дрока, именем которого обозначена Джинестра, — это геральдический цветок Анжуйской династии, а затем и Плантагенетов. Принято считать, что нормандский граф Жоффрау Красивый, он же граф Анжу, Мэна и Тура, во время одного из сражений водрузил на свой шлем цветущую ветку дрока, чтобы его соратники могли отличить его в гуще битвы. После победы дрок стал его личной эмблемой. Затем Жоффрау женился на Матильде, дочери короля Англии Генриха I и, тем самым, получил права на английский престол.

Морская карта Пьетро Весконтте, 1318 год

Их старший сын Генрих II был коронован в 1154 г. и стал основателем новой династии Плантагенетов (*лат.* — *Planta Genista* — *ветка дрока*). Он был одним из самых могущественных монархов XII в., владения которого простирались от Пиренеев до Шотландии.

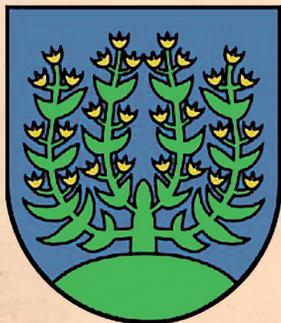
А происхождение золотой лилии на синем фоне традиционно связывается с королем франков Хлодвигом I, который во время битвы с алеманнами при Толбиаке (496 г.) получил этот цветок от ангела в знак победы. И это решило исход сражения в пользу франков. И «цветок лилии» или «флер-делис» со времен короля Хлодвига известен во всех гербах Капетингов и Валуа. Эти династии сосуществовали в XII–XV вв. с Плантагенетами в самом ближайшем историко-культурном соседстве. В подобном же топонимическом соседстве оказались якорные стоянки с именами дрока и лилии на черноморском побережье в XIII–XIV вв.

Такая геральдическая и, в нашем случае, картографическая близость имен дрока и лилии визуальное воспринимается едва ли не как «интимная» — на десяти картах XIV–XV вв. топоним *ginestra* (или *zinstrea*) перепутан местами с топонимом «*flor de lisso*». Вряд ли это случайно. Значит, здесь может таиться некий историко-культурный смысл. Узнав его, мы сможем выяснить, кому, зачем и когда понадобилось называть стоянки именами дрока и лилий на нынешнем одесском берегу.

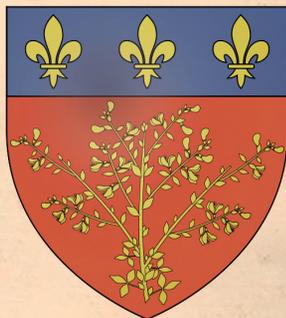
«В самом деле, — недоумевает Ф. К. Брун, — почему... слова, означающие этот герб, отмече-

ны... по испански... не приставали ли тут какие-то странствующие Каталаны? Каталаны (*Т. е. каталонцы, катал.: catalans, catalanes.* — *А. Д.*) еще в 1290 году получили от императора Андронника право участвовать в Черноморской торговле, которым, впрочем, едва ли могли пользоваться по причине ревности Венецианцев и Генуэзцев. Но так как вскоре спустя Роккафорте, один из начальников «Великой Компании», готов был сочетаться браком с сестрою болгарского царя Святослава, вдовой Чакаса, сына Ногая, то барселонские моряки легко могли приставать к берегу Добруджи, тогда именно недоступному для Генуэзцев, поссорившихся с царем *Fedixclavbs'*ом (*Болгарским царем Федором Святославом.* — *А. Д.*)... Каталаны, напротив того, были бы там приняты радушно, так как ими около сего времени разрушен был принадлежавший врагам царя (Византийцам) военный порт *Stagnera* близ нынешней деревни Инада, на западном берегу Черного моря».²

И действительно, при самом поверхностном поиске, ветки дрока — *Planta Genista* — обнаруживаются в качестве основной эмблемы на гербах именно Каталонии — это ныне существующие муниципалитеты Жинестар и Аржелажер. Впрочем, такие же ветки украшают гербы коммуны Майерскаппель (Люцерн, Швейцария) и муниципалитета Манза (Овернь, Франция). Полностью же условиям нашего поиска отвечают гербы с веткой дрока и лилиями, пребывающими в ближайшем соседстве — это гербы муниципалитета Жинеста (Лангедок — Руси-

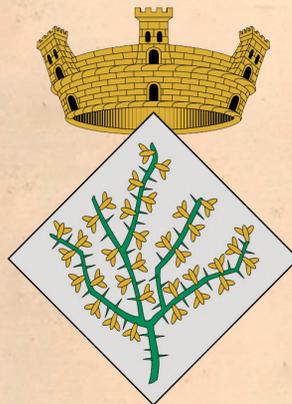

Герб коммуны
Майерскапфель

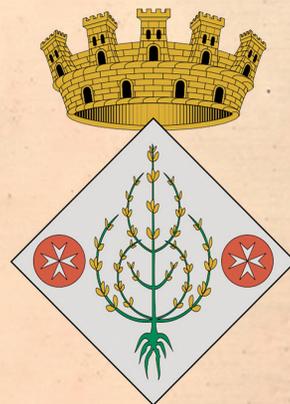

Гербы коммун Жинеста
и Жентин

льон, Франция) и коммуны Жентин (Овернь, Франция). Причем, в обоих последних случаях гербы одинаковы — золотые лилии размещены вверху, на синем фоне, а дрок — внизу, на красном. Созвучие названий Жинестара и Жинесты с одесской Джинестрой позволяет думать, вслед за Ф. К. Бруном, что ее имя (как и «flor-de-lis»), написанное по-испански (или на среднефранцузском), могло быть принесено на наши берега из Каталонии или соседнего Руссильона во времена Каталонской компании (1303–1311 гг.). Именно тогда, в начале XIV в., эти названия впервые появляются в Анонимном Морском атласе «Тамар Луксоро», а затем — на Морской карте (1311 г.) и в Морском атласе Пьетро Веконте (1318 г.). И, если наши стоянки так поименовал каталонец, «один из начальников „Великой Компании“ Бернар де Рокафорт, то почему он им дал именно такие причудливые, „цветочные“ имена?».

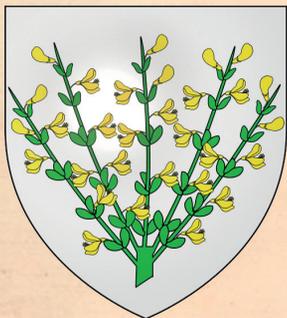
Герб коммуны Аржеласер,
Каталония

Герб коммуны Жинестар

Для выяснения этих обстоятельств уместен, видимо, более «глубинный» поиск, который требует как бы «погружения» в социокультурные, социально-психологические и иные контексты эпохи, дабы «вчувствоваться» в ее особый духовный настрой и идеологические ориентации. Иными словами, ощутить дух времени, и, в нашем случае, поскольку речь идет о цветах, его запах. Следует выяснить историко-культурный смысл имен «Ginestra» и «Flor-de-lis» в их взаимной, «конвертируемой» (близость — *лат.:* *conversatio*) близости, и попытаться проникнуться этим «интимным» образом.

Наука такого «вчувствования» была придумана еще в IV–V вв. знаменитым Аврелием Августином (Блаженным) и названа герменевтикой (*др.-греч.* *ἑρμηνευτική* — «искусство толкования»). Поклон-

Герб коммуны Манза

ником этой науки стал со временем не менее знаменитый Вильгельм Дильтей, родоначальник «философии жизни» (наряду с Фридрихом Ницше). Дильтей был убежден, что исторические события и явления следует понимать и воссоздавать путем «погружения» в конкретную эпоху,

их личностного «сопереживания», «вживания» в них как во фрагмент духовного целого. Ведь истину невозможно познать — истину можно только пережить. Такой прием позволяет эмпатически (*эмпатия*, греч. *ἐν* — «в» + греч. *πάθος* — «страсть», «страдание», «чувство») «войти в положение» любого исторического персонажа и поставить себя на его место. Иными словами, это — «искусство постижения чужой индивидуальности».³

Конечно же, для этого «...необходимо просвещенное и контролируемое воображение», — пишет выдающийся французский историк Жак Ле Гофф, — поскольку «...одна из величайших прелеостей и одна из величайших опасностей исторической биографии — это связь, возникающая и развивающаяся между историком и его персонажем».⁴

Напомню, что основные методические средства герменевтики достаточно просты — это поиски

сходств, подобий и аналогий. Это значит, что стоит попытаться отыскать в историко-культурном контексте эпохи XIII–XIV вв. некий знаковый образец, или «эталон», сочетающий в себе дрок и лилии в самом близком, «интимном» соседстве (как и наши якорные стоянки) в виде основных символов. Эти цветы были едва ли не самыми знаменитыми королевскими эмблемами в Европе. Поэтому такие поиски приходится вести на необозримых пространствах геральдической символики. Коль скоро, стоянки Джинестра (дрок) и Флор-де-Лис (лилия) на одесском побережье являются ближайшими соседями, то и в геральдике их следует искать в одной связке.

После нескольких импульсивных «погружений» в туманные области средневековой эмблематики выяснилось, что самой подходящей «кандидатурой» оказывается рыцарский Орден Дрока (Ordre de la Cosse de Genet), основанный французским королем Людовиком IX Святым (1226–1270 гг.). Цепь этого Ордена состоит из стручков дрока, которые чередуются с цветами лилий. Это — прекрасная «улика», она наилучшим образом отвечает условиям нашего поиска. Ничто не мешает предполагать, что кто-то из кавалеров этого Ордена «пометил» своими знаками наши берега в начале XIV в. Остается лишь выяснить, мог ли таковым быть упомянутый Бернар де Рокафорт. И как ему удалось такой Орден заполучить?

«РЫЦАРИ КОРОНЫ»

Орден стручков Дрока (Ordre de la Cosse de Genet) нынче не слишком известен, разве что знатокам. Да и то, редкостным. Существует легенда, согласно которой этот Орден учредил Святой Людовик в 1234 г. по случаю его брака с Маргаритой Прованской и ее коронации. Церемония происходила в Сансе и сопровождалась большим пиром, во время которого Людовик IX основал новый рыцарский орден «Coste de Geneste» и посвящал в рыцари молодых аристократов. Это празднование обошлось королевской казне в 2526 ливров.⁵

Доступные сведения об этом Ордене имеются, пожалуй, лишь в соответствующей статье — «Cosse de Geneste» — всемирно известной «Энциклопедии...» Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера, а также в нескольких раритетных каталогах и статьях XIX в.⁶ Приведем его более детальное описание. На золотой нашейной цепи «ветви или плоды дрока, раскрашенные эмалью согласно натуральному цвету, переплетенные с золотыми цветами лилии, которые были заключены в ромб так, что рисунок был ажурным, окрашенные белой эмалью, и, связанные вместе, откуда вниз свисал цветочный крест». На этом кресте, «Cross Flory», был по-латински начертан девиз Ордена «Exaltat humilis» («Ты возносишь смиренных»). Сам крест и стал беджем, или значком Ордена. Увы, наглядных изображений не сохранилось. Здесь мы при-

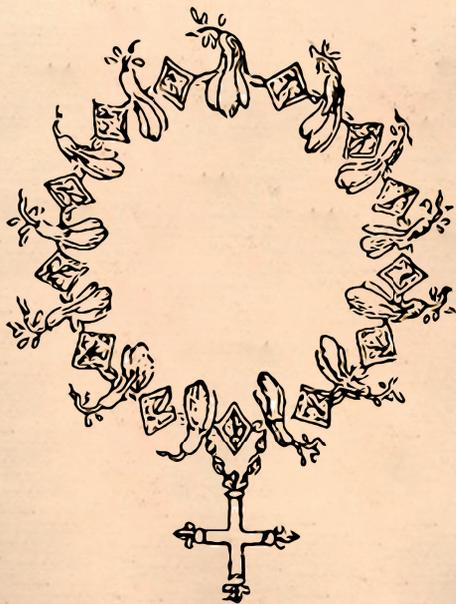
водим лишь контурный рисунок, сделанный по этому описанию.

«В честь посвящения в рыцари юношей королевской династии, — рассказывает Жак Ле Гофф, — Людовик Святой устраивал особо торжественные празднества. В XIII веке юный аристократ превращался в мужчину, только когда становился рыцарем. В королевской семье, где король, его братья и сыновья должны быть рыцарями, чтобы соответствовать своему статусу и принять на себя свои функции, посвящение молодых людей в рыцари приобретает особое значение. Поэтому Людовик Святой, как король-рыцарь рыцарственной династии, на протяжении всего своего правления, периодически, „облагодетельствует“ посвящением в рыцари своего Ордена членов королевской семьи, а также иных, особо приближенных к нему особ». И это естественно — Орден был семейным, монархическим. А потому не имел иного устава, кроме воли короля. Это же создавало Ордену Дрока исключительную престижность.

Имеются сведения и о членах этого Ордена. Так, седьмого июня 1237 года, в день Пятидесятницы, церковного праздника, который сочетали с больши-

*Геральдический
Цветочный Крест
Ордена Дрока (бедж)*

Нашейная цепь Ордена Дрока
(прорисовка)

ми аристократическими празднествами, включенными в календарь традиционных праздников, состоялось посвящение в рыцари его младшего брата Роберта I Артуа. Тогда же, во время торжественной церемонии во дворце Компьеня, Людовик IX в присутствии многочисленных знатных особ посвятил в рыцари и других благородных юношей. Двадцать четвертого июня 1241 года, в Иванов день, языче-

ский праздник, возобновленный христианской знатью, в Сомюре состоялось не менее торжественное посвящение в рыцари второго брата, Альфонса де Пуатье. В 1246 году, снова в день Пятидесятницы, но уже в Мелене, был посвящен в рыцари третий, самый младший брат, Карл Анжуйский. Братья стали рыцарями по достижении совершеннолетия, в 20 лет, и тогда же король предоставил им во владение апанаж (фр.: *apanage* — «удел», от позднелат.: *appano* — «снабжаю хлебом»), завещанный их отцом Людовиком VIII, а они принесли оммаж (фр.: *homage* — *вассальная присяга*) своему венценосному брату и стали его ленниками.

Самым великолепным было посвящение в рыцари «курносого сына» короля (эпитет Данте Алигьери) Филиппа, ставшего наследником престола, будущего Филиппа III. Оно произошло 5 июня 1267 года, в Троицын день, который феодальный христианский мир превратил в великий праздник монархии и аристократии, объединив с традиционным праздником весны, и состоялось в саду парижского дворца в присутствии многочисленных вельмож, при огромном стечении народа; тогда же были посвящены в рыцари и многие молодые аристократы. Впечатление усиливалось еще и тем, что Людовик IX только что вновь стал крестоносцем, и многие предрекали, что, будучи слабого здоровья, он едва ли вернется живым. Филипп становился не только наследником престола, но и, в недалеком будущем, королем. А, стало быть, и главой Ордена Дрока.

«Вчувствуемся» в мотивацию Людовика Святого: учреждая «братский», «интимный» Орден Дрока, он создавал из королевской семьи единый и могущественный клан, объединенный основными геральдическими символами династий Капетингов и Плантагенетов — лилий и дрока. Этот клан прочно цементировался системой апанажа — политикой, при которой часть наследственных земельных владений или денежное содержание передавались некоронованным членам королевской семьи. Апанаж назначался каждому принцу как недвижимое имущество, переходящее в случае его смерти опять к государству. В этом был его смысл. Впрочем, он мог переходить по смерти получившего к его наследникам, разделяться между ними и возвращался государству, только когда его линия угаснет.

«Политика апанажей, оформившаяся в систему при Людовике Святом, — отмечает Ле Гофф, — стала прекрасным средством от распрей между братьями или между отцами и детьми... Она была выражением вечно живой традиции, согласно которой королевский домен считался землей королевской семьи, и каждый сын после смерти отца наследовал свою долю. Но трезвая практика ограничений, должно быть, препятствовала раздроблению королевства и сохраняла права и власть короля».⁷ Апанажи служили материально-психологической основой согласия между Людовиком Святым и его братьями. Братья, по мысли Людовика, являли собою единое целое.

«Апанажи предстают не королевским, а семейным институтом... Но при этом глава семьи не забывает, что он — король». Людовик очень строго соблюдает условия владения апанажем, который подлежит возврату в королевский домен в случае смерти владельца апанажа, не оставившего прямого наследника, или же **в случае его измены сюзеру** (*Выделено мною. — А. Д.*). Это условие окажется значимым для нашего повествования.

Можно видеть, что Людовик Святой, тем самым, формализовал децентрализацию власти с помощью политики раздачи апанажей, над которыми он сохранял власть, финансируя их благодаря введению долговременных налогов. Эти новые доходы позволили ему также создать во Франции такую армию, которая вместе с войсками его братьев обеспечивала ему ведущую роль в крестовых походах.

Ведь «братская» идея была, в сущности, разновидностью nepотизма, который тогда достиг невиданных размеров в католической церкви — римские папы ради укрепления своей власти раздавали доходные должности, высшие церковные звания, а также земли, родственникам. Так и Орден Дрока стал типичной «nepотической» организацией, или, попросту говоря, семейным кланом. А сама система (инструмент) апанажа, вместе с «переплетающимися» цветками и ветками дрока и лилий, оказались в руках Людовика действенными механизмами концентрации власти.

Настолько действенными, что их пытались использовать его коронованные потомки. Так, столетие спустя, Карл V Мудрый (1364–1380 гг.), который испытывал к своему предку особое почтение, в своих молитвах просил у Людовика Святого просветить его относительно управления своим народом. В одном из своих ордонансов он объявляет: «Рассматривая — что серьезно и неизгладимо в нашем сердце — что наш святой предок и предшественник, наш патрон, защитник и сеньор Людовик Святой, цвет, честь, свет и зеркало не только королевского рода, но всех французов, память о котором остается благословенной и не исчезнет во тьме веков, и о котором говорят, что милостью Божьей он совершенно избежал заразы смертного греха и так хорошо управлял королевством и общим делом, что его славная жизнь, предмет всеобщего восхищения, доколе солнце будет ходить по небу, призывает нас и наших наследников последовать его примеру, так, чтобы его жизнь служила нам образцом».⁸ И, в самом деле, люди начали сравнивать правление Карла V с благословенными временами Людовика Святого, который традиционно считался хорошим королем (*фр.*: *bon roi*).

Это восхищение разделял и его сын, Карл VI Возлюбленный (или Безумный) (1380–1422 гг.), который, кстати, первым в истории получил при рождении титул «дофин» и провинцию Дофине в качестве апанажа. Он решил возродить Орден дро-

ка и, «чтобы придать ему больше блеска, возводит его создание к Людовику Святому, „великому человеку“ (и святому) династии».⁹ И совершил это в 1396 году в честь свадьбы своей дочери Изабеллы с королем Англии Ричардом II Бордосским (1367–1399) — последним королем династии Плантагенетов. И посвятил его в кавалеры своего Ордена. Ричард изображен с этой орденской цепью на шее, коленопреклоненным, на створке Уилтонского диптиха. Ангелы на соседней створке носят на шее похожие цепи. Орденская цепь выглядит иначе, чем при Людовике. На надгробии же самого Ричарда в Вестминстерском аббатстве его скульптура украшена изображением ветвей дрока с раскрытыми пустыми стручками.

О «возрожденном» Карлом VI Ордене стручков Дрока сохранилось куда больше сведений, чем при его предке-учредителе. А, коль скоро Людовик Святой был кумиром Карла, то он, надо думать, и полностью воспроизвел его обустройство. И мы, благодаря этому, можем судить, каким был этот орден при Людовике.

«Карл VI посвящал своих рыцарей в кавалеры Ордена Дрока лишь в знак наивысшего благоволения и с сопроводительной монаршей грамотой, — пишет историк Джонатан Д'Арси. — Они становились, таким образом, единой „Compagnie du Roy“ („Компанией Короля“), или же „Рыцарями Короны“, и должны были носить специальные ливрей-

ные одежды — белоснежные мантии с фиолетовыми капюшонами, которые украшались вышитой ветвью цветущего дрока на правом рукаве (серебряной или золотой, в зависимости от ранга). На другом рукаве — тот же девиз — „Exaltat humilis“». Все кавалеры Ордена — от короля и принцев крови до самых худородных служителей-министериалов — были обязаны постоянно носить орденскую одежду и орденские регалии, как знаки особой избранности. Иными словами, все они были свитой короля. Униформа создавала некую видимость равенства, братства всех ее членов. Такая идея создания Монархического ордена была заимствована Людовиком IX, а затем и Карлом VI, по всей вероятности, у короля Артура и его Рыцарей Круглого стола. Она основывалась на чувстве преданности братству и королю, а не на обычном статусе рыцаря. Одним из ее преимуществ было то, что она не ограничивала членства исключительно статусом рыцаря, и, даже, принадлежностью к мужскому полу. Идея братства «рыцарей короны» обеспечивала альтернативную систему единения между сеньором и вассалом. Ее символами были, разумеется, униформы и «беджи» — значки с изображением Цветочного Креста и начертанного на нем девиза «Exaltat humilis».

Такие значки были своеобразным «членским билетом» и имелись у каждого рыцаря. Они означали особое высочайшее покровительство, близость и причастность их владельца к королевской символике¹⁰ и обладали, таким образом, исключительной

престижностью, созданной непревзойденным сакральным авторитетом Людовика Святого. Он создал типичный монархический клиентский орден, не имевший ни устава, ни ограниченного членства. Его верхушка — ближайшие родственники короля, которые образовывали свои свиты из вассалов-министериалов. Получалось, что вассалы братьев короля и вассалы их вассалов становились как бы братьями самого короля.

Сама символика ордена недвусмысленно обозначала братское единение Капетингов с Плантагенетами, которое могло обеспечить успех крестового похода во главе с Людовиком. Главное — не допускать никаких распрей. Так, в свое время Филипп-Август отнял у англичан области по реке Гаронне. В 1242 г. английский король Генрих III Плантагенет попытался вернуть эти владения своих предков, но потерпел поражение от французов в битве при Тальебуре. Однако Людовик не воспользовался победой и, вопреки мнению своих советников, «руководствуясь началами справедливости», уступил Генриху часть этих земель.

Снова проникнемся его соображениями — это было красиво, выгодно и удобно. Потому, что Генрих III был с 1236 г. женат на Элеоноре Прованской, родной сестре жены Людовика Маргариты. Тем самым английский король являлся членом французской королевской семьи. И вполне мог быть членом Ордена Дрока. И земли были ему переданы на правах апанажа. Это же обеспечивало полную лояль-

ность Плантагенетов. Так, известно, что в декабре 1254 года Генрих III принес оммаж Людовику IX, после чего оба короля встретили Рождество в Париже, в семейном кругу.

Другая сестра Маргариты, Санча Прованская, в 1243 г. вышла замуж за младшего брата Генриха III Ричарда Корнуэльского, ставшего в будущем королем Германии (в 1257–1272 гг.). Этот Ричард (он же граф де Пуатье (1225–1243 гг.)) тоже стал членом семьи Людовика Святого на правах апанажа. А такие отношения, несомненно, способствовали участию Ричарда в крестовом походе в 1240 г.

В члены Ордена Дрока был в 1267 г., вместе с наследником Филиппом, посвящен и старший сын и наследник Генриха III Эдуард I Длинноногий. Его женой была Элеонора Кастильская, она же королева Наварры. Эдуард был верным Людовику «рыцарем короны» и, в 1268 г., дал обет отправиться в крестовый поход, но нехватка денег задержала его до августа 1270-го, и когда он отплыл в Тунис, Людовик IX уже умер.

В тот же Троицын день 1267 г., наряду с Филиппом Смелым и Эдуардом Длинноногим, в «рыцари короны» были посвящены и сыновья арагонского короля Хайме I Завоевателя Педро (впоследствии — знаменитый («дебелый» — *выражение Данте*) Педро III Великий (1239–1285 гг.), король Арагона и Валенсии и граф Барселоны, а также Хайме Мальоркский (1243–1311 гг.), который после смерти отца получил во владение вассальное королевство

Мальорка). Кроме Балеарских островов в него входили каталонские графства Руссильон и Сердань, а также сеньория Монпелье, виконтство Карла в Оверни и баронство Омела около Монпелье. Эти территории, таким образом, тоже оказались под эгидой Дрока и Лилий. На них сейчас расположены упомянутые муниципалитеты Жинестар, Аржелажер и Жинеста с эмблемами дрока и лилий на гербах. Это немаловажно для нашего сюжета — известно, что «наш» Бернар де Рокафорт был родом из Валенсии или Каталонии. Здесь же уместно заметить, что наследник Людовика Филипп III Смелый был женат с 1262 г. на дочери того же Хайме I Завоевателя Изабелле. В 1270 г. она сопровождала супруга в Восьмом крестовом походе в Тунис, где Людовик и скончался. Изабелла была матерью его внуков Филиппа IV Красивого (1268–1314 гг.) и Карла Валуа (1270–1325 гг.). Все они, как и их свиты, могли быть кавалерами Ордена Дрока.

Третья сестра Маргариты Беатриса Прованская, вышла в 1246 г. замуж за младшего брата Людовика Карла I Анжуйского, будущего короля Сицилии, который стал рыцарем Ордена Дрока еще в 1246 г. при столь же торжественных обстоятельствах. Ибо он тогда же вступил во владение своим апанажем Анжу-Мен-Турень, полученным от Людовика, и тогда же принес ему оммаж. Также он получил от своей жены Беатрисы графство Прованс. Владения Карла были разделены на две части, но при этом одна часть входила в состав Французского

королевства, а другая — Священной Римской Империи. Такое положение служило источником амбиций и безрассудного поведения Карла — «Клюва орлиного» (*выражение Данте*), плохо ладившего с провансальскими подданными, считавшими его иноземцем. По увещанию Папы, Людовик принял для своего брата итальянское наследство Фридриха II — Южную Италию и Сицилию. Таким образом, династия Капетингов правила на итальянском Юге независимо от Французского королевства Людовика IX, но сохраняя с ним братские отношения. Это позволяло Карлу, в случае чего, претендовать и на французский престол. И, заодно, на главенство в Ордене Дрока.

Можно видеть, что ко времени своей кончины Людовику удалось оплести своей лилейно-дроковой, апанажно-оммажной «паутиной» сюзеренов обширнейших территорий. Это и обеспечивало ему ведущую роль в крестовых походах. И, неудивительно, что, когда отправившись в Седьмой крестовый поход, Людовик «возложил на себя крест», то этот **крест** был, по сути своей, **цветочным**. К нему присоединились братья Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский со своими рыцарями. К 1248 г. было сформировано пятнадцатитысячное войско, включавшее 3000 рыцарей и 5000 арбалетчиков на 36 судах. Для финансирования экспедиции было привлечено примерно 1,5 млн лир, что делало поход очень дорогостоящим предприятием. Тем

более, многие рыцари, которые присоединились к походу, финансировались (в долг, разумеется) из королевской казны.

И в Восьмом крестовом походе 1270 г. также участвовали все его братья, сыновья и «толстый и добрый» (*выражение Данте*) зять Тибо Наваррский. К походу собирались присоединиться король Арагона и сын Генриха III Эдуард. Все они были близкими родственниками и «рыцарями короны» Людовика Святого. Свиты же этих венценосных родственников состояли, преимущественно, из служилых рыцарей-министралов, которые также могли заслужить членство в Ордене и, по воле сюзерена, получить право носить соответствующие беджи — Цветочные Кресты с девизом «Exaltat humilis».

Так Людовик с помощью апанажа, а также дрока с лилиями, оплел «цветочной паутиной» всех своих венценосных родственников. И усиливал, тем самым, свои прерогативы. Орден должен был «работать» на короля. И он исправно «работал» — Людовик неизменно пользуется своим «правом постоя» (правом на жительство у своих вассалов), скрупулезно требует помощи (повинности), которую они должны были оказать ему в связи с посвящением в рыцари его сыновей, заставляет полностью оплачивать права на обращение товаров — дорожные и мостовые пошлины.¹¹

На эту, вроде бы, не слишком заметную, «паутину» была наброшена и «вуаль» рыцарской куртуазности.

«EXALTAT HUMILIS»

Известно, что рыцарство, возникнув и сословно оформившись в крестовых походах, вырабатывает и собственную идеологию. Ее суть — кодекс рыцарского благородства — куртуазность (*фр.*: *cour* — *двор*) и идея братства, восходящая, разумеется, к легендам о короле Артуре. Свои подвиги герой-рыцарь совершал во имя собственной славы, любви и религиозно-нравственного совершенства.

Возникшая куртуазная литература отразила психоидеологию служилого рыцарства, сосредоточенного при дворах крупных владельцев-сеньоров. Такую литературу настолько любил Генрих II Плантагенет, что в 1175 году он даже повелел Бенуа де Сент-Мору закончить хронику герцогов Нормандских, потому что упивался его «Романом о Трое».

В затейливой путанице куртуазной системы ценностей это определялось тем, что Бог и Дева Мария — единственно возможный источник любви (*Fin' Amors* — «тонкая», «совершенная» любовь, порождаемая Богом. — *А. Д.*). Лишь такая любовь позволяет совершить подвиг-авантюру (*l'aventure*), для **возвышения** чести (*onor, ere*) самого рыцаря и, следовательно, — чести его Дамы, прекрасной и непреклонной госпожи, и своего Сеньора. А через них — Девы Марии и самого Бога. В таком случае, идея спасти Святую Землю от неверных в крестовых походах и **возвыситься**, несомненно, угодна и Деве Марии и Богу.

Надо думать, что «возносящий смиренных» девиз был как нельзя кстати служилому «смиренному» рыцарству. Он был оптимистичен, амбициозен и наилучшим образом соответствовал «куртуазной» ментальности эпохи — все «значимые» поступки рыцарей определялись идеей личной доблести, ощущением своей силы, волей к победе над злом, и, разумеется, мечтой о счастье. Девиз обнадеживал тех, кто считал себя обиженным, обойденным или обделенным, — а таких всегда много, — и давал веру в возвышение и триумф после множества унижений. Иными словами, это «мотив Золушки» (*выражение Марии Оссовской*)¹², отраженный в девизе «Exaltat humilis», начертанном на цветочном кресте, дает возможность его владельцу сделать любую карьеру. Девиз, таким образом, был особенно притягателен для худородных, нетитулованных министериалов (*лат.*: *ministeriales, от лат.*: *ministerium* — *служба, должность*), которые мечтали возвыситься, — мелких рыцарей, владеющих небольшими ленами и обязанных военной службой монарху, принцу либо иному знатному сеньору. Рыцарское достоинство становится отличительным знаком класса, отдельным от понятия «держания»: оно не передавалось по наследству, а присваивалось сюзереном.

Прослойка министериалов возникла в процессе освобождения и расширения привилегий нетитулованных служилых людей. Из оброчного

населения можно было выбиться в министриалы, получив должность при дворе сеньора, нести службу легковооруженного всадника, а затем, заслужив соответствующий бенефиций (*от лат. beneficium — благодеяние*), перейти в тяжелую конницу и стать рыцарем. Таким путем из среды невольных выделился привилегированный класс дворовых слуг (*vassi, servi ministeriales, pueri*) при богатых сеньорах.

Министриалы могли нести как военную, так и придворную, административную и хозяйственную службу. Их статус был выше, чем у горожан и свободного сельского населения, но ниже свободных рыцарей. Они не могли бросить службу по желанию. В XII–XIV вв. они были, фактически, отдельным сословием, обладали личной свободой и могли быть одной из опор центральной власти вне королевского домена. Удачливые министриалы монарха, принцев сами могли стать крупными сеньорами. Примеры тому имеются. Таким «смирно-возвысившимся» счастливым стал министриал Вернер фон Боллэнд — он ухитрился стать вассалом 43 различных сюзеренов, от которых получил в общей сложности более 500 ленов, в том числе 15 графств. Сам он имел более 100 ленников и стал крупнейшим земельным магнатом. Не менее впечатляющую карьеру сделал Герман фон Зальца, ставший в 30-летнем возрасте Великим Магистром Тевтонского ордена (1209–1239 гг.) и управлявший им до конца своих дней.

Людовик Святой в Восьмом Крестовом походе

Сам Людовик Святой, как король-рыцарь, и как глава Ордена, возносящего смиренных, очень любил совершать яркие «смирненные» поступки: руками лечить золотушных, омывть ноги нищим странникам, но более всего — прислуживать за столом бедным. Так, «... каждую среду, пятницу и субботу во время Великого поста и адвента он лично прислуживал тринадцати беднякам, которых приглашал откусать в его покоях или в гардеробе и прислуживал им [при еде], ставя перед ними питье и две пары тарелок с рыбой и прочим. И он сам разрезал два хлеба, [куски] которых он клал перед каждым, а слуги королевского покоя разрезали

другие хлеба, чтобы каждому из бедных положить сколько надо. А еще блаженный король, как правило, ставил перед собой три миски с супом, в который он собственноручно обмакивал куски хлеба, лежавшие перед ним, и... ставил их перед упомянутыми бедняками...

И он звал для этого самых убогих, каких только можно было сыскать, и с удовольствием прислуживал им, причем гораздо чаще именно таким [беднякам]. Все... получали по 12 парижских денье — милостыню от святого короля. Людовик брал пищу руками из той же миски, что и бедняки, и, в частности, прокаженные. Он готовил питье и, встав на колени, поил им прокаженного, у которого из ноздрей текли кровь и гной и попадали на руки короля...». ¹³

Впрочем, Людовик любил совершать и «возвышающие», рыцарские деяния, самым впечатляющим из которых был его последний, Восьмой крестовый поход. В нем королю суждено было умереть. И он — человек-путник (*лат.:* *homo viator*) умер, по иронии судьбы, от «дизентерии, малярии и тифа», во имя исполнения куртуазных идеалов, «возвышающих смиренных». Его смерть отдала судьбу Ордена Дрока в разные руки.

Короли на «ярмарке тщеславия»

Вряд ли здесь место излагать хорошо известные сведения о Восьмом крестовом походе в Тунис. Для наших целей они не столь уж важны. А куда более существенна смерть Людовика Святого, скончав-

Смерть Людовика Святого

шегося, вслед за своим сыном Жаном Тристаном, 25 августа 1270 г. Точнее, перипетии с его останками, или своеобразная «битва над трупом Патрокла».

Поскольку король Людовик IX умер в земле неверных, о том, чтобы оставить его прах на чужбине, за пределами христианского мира, вдали от Французского королевства, не могло быть и речи.

В истории французской монархии подобное уже однажды происходило — суверен умер вдали от королевского некрополя, и его не могли или не захотели похоронить рядом с местом кончины, и надо было сохранить его тело. Так случилось в IX в. с Карлом Лысым. Техника бальзамирования была неизвестна. Тогда тело Карла решили варить в разбавленном водой вине до тех пор, пока мясо не отойдет от костей.

Вот и сейчас, «камердинеры, и все слуги (*ministres*), и те, кому это было поручено, — свидетельствует исповедник Людовика Жоффруа де Болье, — взяли тело короля и разрезали (*department*) его член за членом и долго варили в воде с вином, пока вываренные добела кости не отделились от плоти и их можно было безо всякого труда извлечь».¹⁴

Карл Анжуйский, тогда уже король Сицилии, прибыв вскоре после кончины брата со своим флотом и войском (вероятно, легендарная традиция требовала, чтобы он ступил на берег в момент смерти короля), предпринял попытку отобрать пост главнокомандующего у своего молодого племянника Филиппа III. И, как будто, даже саму французскую корону. Но Филипп, следуя рекомендациям советников отца в Тунисе, немедля, взял власть в свои руки. Прах его отца еще не скоро похоронят в Сен-Дени, а до его собственной коронации в Реймсе пройдет не один месяц. Поэтому 27 августа по повелению Филиппа окружающие его бароны и военачальники принесли ему клятву верности. 12 сентября он направил двоих гонцов в Париж с подтверждением данных ему Людовиком IX полномочий. Тогда же он отправил им завещание покойного короля и повелел и впредь пользоваться оставленной им печатью при условии, что имя отца на ней будет заменено именем сына. И начал датировать документы периода своего правления со дня смерти отца — 25 августа 1270 года.

Останки Людовика сразу же стали объектов размовки дяди и племянника — «Клюва орлиного» и «Курносого сына». Их обоих Данте Алигьери поместил в «Долину государей», у врат чистилища — они, по его мнению, «не радели о спасении души своей».¹⁵ А думали лишь о своих амбициях. Ведь уже многим было ясно, что Людовик IX имеет все шансы стать официальным святым. Тогда его мощи для владеющей ими Анжуйской династии Сицилии становятся обильнейшим источником влияния, огромного авторитета и превосходства Анжуйского дома.

Карл предложил останки брата предать земле в Сицилийском королевстве — это, мол, недалеко, и Анжуйский дом прекрасно сумеет о них позаботиться. Но Филипп требовал, чтобы останки отца как можно скорее были возвращены во Францию. В конце концов, как свидетельствуют хронисты, оба короля, дядя и племянник, пришли к компромиссу: внутренности и плоть получит Карл Анжуйский, а кости будут отправлены в королевский некрополь в Сен-Дени. Молодой французский король, таким образом, получил самое главное — кости (а они-то и могли стать мощами) — твердую часть тела, символизирующую власть. Поскольку мягкая плоть, внутренности, и, главное, сердце, символизируют душу. Такова диалектика власти — соотношение твердого и мягкого.

Поэтому вопрос о сердце Людовика — вместилище его души — дебатировался особо. Но, после не

слишком продолжительного и вялого сопротивления, Филипп, по свидетельству Жоффруа де Болье, как будто, дал согласие, чтобы дядя перевез его вместе со всеми внутренностями в аббатство Монреаль (близ Палермо, на Сицилии). Видимо, ему оно было ни к чему — ему нужна была власть. И кости.

Зато Карлу это было даже очень кстати — он, как владеец сердца и внутренностей Людовика, обрел полное право считаться «душеприказчиком» короля в религиозно-нравственном смысле, и его духовным наследником. Таким образом, он становился главой, или Магистром Ордена Дрока. А Филипп на это, вроде бы, и не претендовал. Каждый получил свое.

Можно видеть, что, после смерти Людовика и разделения его тела образовались два династических «мемориальных источника», обеспечивающие сохранение памяти Людовика Святого. Прежде всего, это сама королевская семья, которая инициировала канонизацию. Со своей стороны, Орден Дрока, символизировавший его душу, оказался на попечении Анжуйской династии, для которой дрок стал родным геральдическим цветком со времен Жоффруа Красивого.

Канонизация, которая обеспечила бы имени Людовика непреходящую и ни с чем не сравнимую престижность, зависела, разумеется, от Римской курии, или так наз. «фабрики святых» (*выражение Жака Ле Гоффа*), у которой поначалу святость Людовика, как будто, особых сомнений не вызывала. Так, уже в марте 1271 г. папа Григорий X писал: «Вос-

поминание о блестящих заслугах знаменитого короля Франции, Людовика, чья жизнь должна служить образцом для всех христианских государей, переполняет нас таким утешением ныне, когда он пребывает в небесных чертогах, что мы больше восхищаемся и поражаемся им, нежели при его жизни».

Но другие папы оказались куда более равнодушны. Поэтому канонизация Людовика, инициированная в 1273 г. его сыном и наследником Филиппом III Смелым, затянулась на 27 лет. Возможно, из-за частых смен понтификов. За годы этой волокиты было исписано столько бумаги, что, как выразился кардинал Бенедетто Гаэтани (будущий Бонифаций VIII), «ее не под силу было снести и ослу».

Но это было необходимо для сбора доказательств святости. Самыми надежными были сочены показания 38 свидетелей о чудесах при жизни Людовика, 330 очевидцев свидетельствовало о 65 чудесах, которые его мощи в аббатстве Сен-Дени и в Париже сотворили после смерти. Равным образом, немало чудес сотворили внутренности, хранящиеся на Сицилии. Правда, Церковь признала только два из них. Приняла она и три других, явленных при перевозке гроба в Северной Италии, в Парме и у ворот Парижа. Но более всего чудес было явлено в королевской усыпальнице Сен-Дени. А, поскольку чудеса могут совершаться на могиле только святого, то это полностью доказывало святость Людовика.¹⁶

Были записаны показания сотен опрошенных, в том числе и самих Филиппа III и Карла Анжуйско-

го. Все это время исключительная престижность Людовика во «всем христианском мире» неуклонно нарастала, равно как и престижность Ордена Дрока. Обширное досье о чудесах, происходивших на захоронениях костей короля и его плоти, убедило Римскую курию. Наконец, в воскресенье 11 августа 1297 г., в Орвьенто, кардинал Гаэтани, ставший Папой под именем Бонифация VIII, буллой «Gloria laus» (с лат.: «Славе хвала») вписал Людовика IX в каталог святых. При этом он был крайне недоволен тем, что Людовика сварили и распленили. И, два года спустя, в булле «Detestandae feritatis» (с лат.: «Ужасное изуверство») он запретил впредь такие действия, назвав их варварскими, кощунственными и чудовищными.

С этого времени культ Людовика Святого активно поддерживался в королевском доме. В обычае у королей-наследников стало поститься накануне годовщины его смерти, 25 августа. Уже его внук Филипп IV Красивый — «сын беззаконий Франции» (выражение Данте Алигьери), 25 августа 1298 г. велел перенести мощи в частную королевскую часовню — Сен-Шапель. Монахам Сен-Дени остались лишь плечевая и берцовая кости, подбородок, зубы и нижняя челюсть. Затем, в 1299 г., доминиканцы Эвре впервые посвятили свою церковь Людовику Святому, была основана его капелла при соборе Парижской Богоматери. Епископ Турне также основал капеллу Людовика Святого в своем соборе.

17 марта 1306 г., во вторник после Вознесения, голова Людовика Святого и часть святых останков были перенесены в Париж. Филипп IV поместил их рядом с Богоматерью, а череп определил в Сен-Шапель. Это перенесение стали традиционно праздновать по вторникам после Вознесения: в этот день августинцы служили мессу в Сен-Шапель, а начиная с 1309 г., по приказу короля, шестьдесят доминиканцев и шестьдесят францисканцев приходили туда праздновать день Людовика Святого.

Принято считать, что святой король был очень красивым человеком. Но его надгробная маска сделана не была, и никто уже толком не знал, как он выглядел. Было решено его живописать и ваять с лицом внука — Филиппа Красивого, который, как говорили, был внешне очень похож на деда. Эта традиция просуществовала вплоть до Людовика XIV.¹⁷

Можно сказать, что к началу XIV в. культ Людовика Святого и связанные с этим авторитет и престижность его имени и мощей достигают апогея. Такая престижность распространялась, разумеется, на внутренности и сердце, которые покоились в мраморной урне в аббатстве Монреаль, близ Палермо на Сицилии. Там они и пребывали до 1860 г., когда их забрал с собою в изгнание последний сицилийский король из династии Бурбонов Франциск II, бежавший от «Тысячи» Гарибальди. Но эта история далеко уходит за пределы нашего сюжета. Поэтому, здесь лишь стоит отметить, что после смерти Людовика, с 1270 г., Орден Дрока оказал-

Карл II Хромой

ся в распоряжении его неаполитанско-сицилийских «душеприказчиков» — королей Анжуйской династии — Карла I, его сына Карла II Хромого и его внука Роберта Мудрого (Доброго). В связи с этим стоит также отметить, что в том же, 1270 г. где-то в Валенсии или Каталонии на свет появился «главный герой» нашего повествования, хундородный министериял Бернар де Рокафорт (1270–1308 гг.).

**«ЕМУ НЕ БЫЛО РАВНОГО ПО ЭНЕРГИИ
И СВИРЕПОЙ СИЛЕ»**

Сведения о первых трех десятилетиях жизни Бернара чрезвычайно скупы. Известно лишь, что до 1303 г. он служил королю Неаполя Карлу II Хро-

*Роберт Мудрый (Добрый)
в короне с лилиями*

мому (1248–1309 гг.) и его сыну Роберту Мудрому (Доброму) (1277–1343 гг.), герцогу Калабрии. Был командиром отрядов наемников, располагавшихся в двух калабрийских замках. И с этими наемниками он присоединился к Каталонской компании после мира, заключенного в сицилийской деревушке Кальтабеллотта 31 августа 1302 г. Этот мир завершил длившуюся двадцать лет «Войну Сицилийской вечерни».

Известно также, что Рокафорт не признал условий этого мира, поскольку он лишил его наемников заработка. И он пытался продать эти замки Карлу или Роберту, так как считал их своей собственностью — апанажем. А те (в соответствии с правилами Людовика Святого об условиях апанажа) посчитали его вымогателем и требовали, чтобы Бернар

вернул апанаж своему королю и убирался со своими наемниками восояси. Около года Бернар удерживал замки силой своих солдат, угрожая тем самым своим сюзеренам, но, в конечном счете, вынужден был, не солоно хлебавши, пуститься искать заработка и счастья в другом месте.

Детство и юношеские годы Рокафорт, по всей видимости, провел в Валенсии и Каталонии, на территории Арагонского королевства. Судя по доступным нам обрывочным и опосредованным сведениям, родом он был из низшего слоя служивых рыцарей-министериалов, т.е. из типичных «смиранных». Историки характеризуют его как смелого и решительного военачальника. Ему «не было равного по энергии и свирепой силе». ¹⁸ Вместе с тем, Бернар был крайне жесток, беспощаден, жаден, исключительно амбициозен, с обостренным чувством социальной неполноценности, стыдился своего худородного происхождения. ¹⁹ Ясно, что стремление любой ценой «вознестись» из «смиранных», или «Мотив Золушки», отвечающее оптимистичному девизу Ордена Дрока, было заложено в нем с детства. Оно, несомненно, определило весь жизненный «сценарий» и «смысл» (*выражение Эрика Берна*), а также «тип поведения» (*выражение Ю. М. Лотмана*). ²⁰ Наверное, Карл Хромой, будучи в каталонском плену, для чего-то нашел нужным приблизить его к себе и возвысить.

В отличие от Рокафорта, о короле Неаполя Карле Хромом известно немало. Здесь нас занимает лишь

то, что после смерти в 1285 г. своего отца Карла I Анжуйского он унаследовал Сицилийское королевство вместе с хранившимися в аббатстве Монреаль близ Палермо сердцем и внутренностями Людовика Святого. Он стал его преемником и как Магистр Ордена Дрока. Только он имел право и возможность посвятить Рокафорта в рыцари своего Ордена и вручить ему Цветочный Крест, который «вознесет» нашего «смиранного» героя к Джинестре и Флорделис.

Остается выяснить, как и при каких обстоятельствах это могло произойти. Война Сицилийской вечерни (1282–1302 гг.), как известно, началась между Арагонским и Анжуйским королевскими домами, а конкретно — венценосными кавалерами Ордена Дрока — Педро III Великим и Карлом I Анжуйским. Она изучена современниками и историками-специалистами детально, обстоятельно, и обильно отражена в источниках и литературе. Так, Данте Алигьери, современник всех этих событий, поместил Педро III, его заклятого врага Карла I Анжуйского и многих других ее участников в «Чистилище», где теперь каждый с ними может познакомиться. Видимо, когда он писал свою «Комедию», то справедливо полагал, что его персонажи были у всех на слуху. Но это было очень давно. Поэтому не сочтем излишним дать здесь краткое описание основных событий этой войны для читателя, не слишком осведомленного, возможно, в деталях и перипетиях истории Средиземноморья того времени. ²¹

И рассмотреть эти события в связи с обстоятельствами, которые помогут найти в них место Бернарду де Рокафорту.

Эйфория Карла Анжуйского

Сицилийское королевство было основано норманнами еще в XI в., а в 1194 г. перешло к германским императорам из династии Гогенштауфенов, которые и правили здесь до смерти Фридриха II в 1250 г. Ему наследовал Конрад IV, который, впрочем, тоже вскорости умер. Наследником в 1254 г. стал его двухлетний сын Конрадин. Реально же все это время Сицилией правил побочный сын Фридриха II Манфред Сицилийский, который, распространив слухи о смерти Конрадина, в 1258 г. объявил себя королем Сицилии.

Но папа Климент IV не поверил этим слухам и не признал прав Манфреда на королевство. Мало того, после гибели Манфреда в 1266 г., он «передал» сицилийский престол Карлу Анжуйскому. Пытавшийся вернуть королевство Конрадин потерпел поражение под Тальякоццо, был взят в плен и казнен в Неаполе в 1268 г. Эта казнь потрясла Европу — Конрадин был последним мужским представителем Гогенштауфенов.

Тех приверженцев Гогенштауфенов, которые не сумели бежать, Карл казнил или бросил в тюрьму. Он объявил недействительными все прежние пожалования, данные Фридрихом II и его преемниками. Эти владения он раздал своим приверженцам.

В свое время идея посадить Карла Анжуйского на Сицилийский престол принадлежала еще папе Александру IV — желая сместить Манфреда, папы искали правителя, который пожелал бы и смог бы завоевать это королевство. Карл-то пожелал, но тогда этого не позволил ему старший брат, король Людовик IX, и он был вынужден отказаться. Но другому папе — Урбану IV, французу — удалось уговорить Людовика: если Сицилией будет управлять «свой» человек — Карл, — то остров станет важной базой снабжения крестоносцев в новом походе в Святую Землю. А Карл явно был «своим».

Так в 1266 г. Сицилия оказалась под властью Карла Анжуйского. После смерти Людовика в 1270 г. он превратился в глазах папства именно в такую фигуру, которая способна возглавить новый (условно, девятый) крестовый поход. Он же был и его идейным вдохновителем — преемником Людовика как Магистр крестоносного Ордена Дрока. А в 1272 г. своего сына и духовного наследника Карла II он посвятил в рыцари вместе со 100 итальянскими и французскими молодыми аристократами. И пожаловал ему княжество Салерно, где ранее проводилось коронавание нормандских государей Сицилии.

Это было естественно — после неудачного, Восьмого крестового похода, погубившего Людовика Святого, папство искало новую стратегию и тактику походов. На Втором Лионском соборе (1274 г.) папа Григорий X, осознавая, что конец Латинского королевства на Востоке был уже почти неизбежен,

инициировал дискуссию о проблемах Святой земли. Она продолжалась несколько десятилетий под названием «De recuperatione Terrae Sanctae» (с лат.: «О возвращении Святой земли»).

Все понимали обреченность походов в Палестину. Поэтому усилия Григория X насчет нового крестового похода оказались бесплодными. Как, впрочем, и идея унии с православной церковью. Сначала император Михаил VIII пообещал папе добиваться примирения церквей. Это было ему нужно для того, чтобы избежать или, хотя бы, отсрочить крестоносное нашествие на Константинополь и получить на Западе займы для ведения войн. Однако, его сын, Андроник II, после смерти отца созвал собор восточной церкви, признавший все решения Лионского собора пустопорожними.

А поскольку «всякая Церковь, не согласная в чем-либо с Католической, перестает быть Церковью и становится ничем», то идея крестового похода свелась к своей истинной цели — снова отвоевать Константинополь и восстановить Латинскую империю. Это было необычайно выгодно и папству, и Карлу Анжуйскому. Он рассматривал овладение Сицилией как первый шаг на пути к завоеванию всего Средиземноморья и готовился к войне с Византийской империей с тем, чтобы самому стать ее императором.

В результате папа прекратил всякие переговоры с Византией о церковной унии. После чего у Кар-

ла оказались развязаны руки, он мог попытаться осуществить свою мечту, и как духовный преемник Людовика Святого возглавить крестовый поход на Константинополь. В начале 1282 г. он, видимо, был в некой эйфории, ибо считал себя величайшим монархом Европы и Венценосным Магистром Ордена Дрока, как владелец сердца Людовика Святого, хранящегося в Палермо. Он был влиятельнейшим сенатором Рима, а папа Мартин IV — давний друг французской королевской семьи — преданно следил за его интересами.

Но случилось иначе — «...империя Карла рухнула, — по словам историка Стивена Рансимена, — лишь в один мартовский вечер в Палермо». Он недооценил своих врагов, изгнанников из Сицилийского королевства, нашедших пристанище при дворе короля Арагона Хайме I Завоевателя, старшим сыном и наследником которого был Педро III Великий (кстати, венценосный кавалер Ордена Дрока) — он же близкий родственник Карла. Но еще более близким родственником Педро стал его врагу Манфреду, поскольку женился на его дочери Констанции — единственной наследнице Гогенштауфенов, оставшейся после гибели Конрадина. Педро стал королем после смерти отца в 1276 г. Через Констанцию он мог претендовать на сицилийский престол. Поэтому он поддерживал изгнанников. Заговор возглавил граф Джованни Прочида, который объездил Константинополь, Рим и Арагон, умоляя о помощи. Педро III даже сделал его своим канцле-

Коронация Карла Анжуйского

ром. И византийский император Михаил VIII Палеолог охотно помогал ему золотом, о чем впоследствии писал, что «...был орудием Бога, несущим свободу сицилийцам». Действительно, население Сицилии люто ненавидело Карла и его французов.

А надменный и самонадеянный Карл, не придавая этому особого значения, тем временем собирал флот и готовился к походу на Византию. А Педро тем же самым временем готовил «армию вторжения» на Сицилию.

«DESPERTA FERRES! DESPERTA!»

Восстание началось в вечерню перед Пасхой, 29 марта 1282 года, в Церкви Святого Духа близ Палермо. Повод подал, разумеется, один из французских солдат, приставший к сицилийской женщине. Ее муж убил его на месте. И... началось. В течение следующих шести недель сицилийцы, с немалым воодушевлением, вырезали до 4000 французов на

Высадка Педро III Арагонского в Сицилии

острове. Восставшие отправили гонцов к Педро III Арагонскому, предложив ему сицилийскую корону. Педро, немного поцеремонившись, с радостью принял предложение, и 30 августа 1282 г. со своей армией высадился в Трапани, а уже 4 сентября 1282 г. короновался в Палермо. В сентябре–октябре 1282 г. он взял под контроль всю Сицилию. У Карла сохранялась лишь материковая часть Италии с Неаполем. Папе римскому Мартину IV только и оставалось, что отлучить «дебелого» Педро от церкви. Что он и сделал.

В последующие месяцы арагонский флот под командованием адмирала Руджеро де Лауриа несколько раз разбивал неаполитанцев. К февралю 1283 г. Педро занял значительную часть побережья Калабрии. Карл I Анжуйский был вынужден отправиться в Прованс, чтобы нанять там новые флот и

армию.²² Наместником Карла в Неаполе остался его старший сын и наследник Карл Хромой.

Педро также был вынужден покинуть Сицилию и вернуться в Арагон унимать свою вечно и всем недовольную знать. Он оставил командовать армией своего второго сына Хайме. Со своей стороны в мае 1284 г. папа Мартин IV объявил о низложении Педро III и предоставил арагонскую корону Карлу Валуа, второму сыну Филиппа III Французского. Но Педро и не подумал подчиниться папе. Тогда Мартин IV объявил против него крестовый поход.

А Карлу I Анжуйскому удалось, с немалым трудом и огромными затратами, снарядить 40 новых галер в Провансе. Он отправил их к осажденной арагонцами Мальте. Но адмирал Руджеро де Лауриа почти сразу их уничтожил. Этому успеху он был обязан, прежде всего, исключительным боевым качествам своих солдат-альмогаваров (*от араб.: al-Mugavarī* — «разведчик»), одно только имя которых бросало в трепет любого противника.

Действительно, альмогавар (или альмугабар) выглядел устрашающе. Он «одевался в некую свободную куртку и бриджи, сделанные из шкур; он носил грубые кожаные сандалии и защищал свои ноги антипарами (полугетрами для передней части ноги), также сделанными из шкур; был также ранец или мешок, в котором он нес свою ежедневную пищу, — писал в своей «Хронике» арагонский король Хайме I Завоеватель. — На своей голове он носил кожаную или стальную „редисилью“

(*redicilla*), которой он связывал свои волосы. На его поясе был кожаный ремень, с которого свисал мешок или сумка для кремня и трута, а также нож или кинжал. Его волосы были длинны, как у древних варваров, поскольку он никогда их не стриг, и при этом он никогда не брился. Его оружие состояло из короткой пики или копья, пригодного для бросания, трех или четырех дротикиков, которые он нес, забросив на свое плечо, в качестве запасных боеприпасов. В атаке альмогавары выкрикивали свой клич „Desperta ferres! Desperta!“ («*Проснись, железо! Проснись!*»). — *А. Д.*), ударяя своими пиками или копьями о камни, производя при этом всюду неисчислимы искры, с ужасающим эффектом; после чего, среди общего шума, стремительным потоком они бросались на врага»²³, также и с дикими криками «*Aragó, Aragón!*» («*Арагон, Арагон!*»), «*Via Sus! Via Sus!*» («*Напролом! Напролом!*»), «*Sant Jordi! Sant Jordi!*» («*Святой Георгий! Святой Георгий!*»), и, разумеется, «*Sancta Maria! Sancta Maria!*» («*Святая Мария! Святая Мария!*»).

«Альмогавары происходили из жителей Арагона, Каталонии и Наварры. Они бежали от арабов и нашли... убежище в суровых горах, откуда нападали на друга или врага. Места их укрытий стали крепостями, где находили убежище и христиане и сарацины... — пишет знаменитый каталонский хронист и капитан Рамон Мунтанер. — Они стали кланами и давали своим вождям арабские титулы... совершали набеги к собственной выгоде, не имея в

виду какого-либо военного долга по отношению к любой из испанских наций... Корона Арагона была тем, что преобразовало этот народ бродяг и дикарей в новый военный институт большой полезности в ее завоеваниях...»²⁴.

Они стали профессиональными наемниками и «делились на отряды, капитанов которых называли „аль мокатен“ или „альмугаден“. Именно они в тринадцатом столетии завоевали Сицилию и часть Мореи. Обычно они сражались пешком, хотя некоторые из них были на лошадях, составляя своего рода легкую конницу...». Именно альмогавары и составляли костяк арагонской армии Педро III и Хайме II. Они с редкостной эффективностью умели драться как с тяжелой рыцарской конницей противника (уничтожали лошадей, после чего легко добивали беззащитных всадников), так и на флоте, особенно в абордажных схватках.

Итак, разгромив и захватив корабли Карла I у Мальты, арагонская эскадра в июне 1284 г. блокировала Неаполитанский залив, выманила туда корабли его сына Карла Хромого и захватила их. Сам Карл II попал к Руджеро де Лаурии в плен. Его сначала отвезли в Мессину, где разъяренная толпа потребовала его казни в отместку за смерть Конрадина — племянника Манфреда.

Но Карлу Хромому повезло — жена Педро III Констанция Сицилийская оказалась молочной сестрой Руджеро. Она уговорила адмирала, а затем и супруга, не спешить: ведь он, как-никак, — тоже

Альмогавары

близкий родственник. К тому же за **такого** пленника можно было получить прекрасный выкуп. И Педро его спрятал в крепость Чефалу на Сицилии.

Это было, конечно же, страшным поражением и унижением Анжуйского дома. Карл I «сильно был раздосадован и вышел из себя, точно сумасшедший, — пишет византийский историк Никифор Григора. — Он видел, что его давние надежды, уже осуществлявшиеся, рушились, и что плоды его трудов, введенные, можно сказать, уже в самую пристань, вдруг пошли ко дну».²⁵ И, не стерпев такой обиды, он вскоре, 7 января 1285 г., скончался. Но успел объявить своего внука, несовершеннолетнего Карла Мартелла, наместником, пока Карл II будет удерживаться в плену. А Роберта Артуа, рыца-

Хайме II Справедливый

ря Ордена Дрока, — регентом. А папа Мартин IV, успев объявить крестовый поход против Арагона, тоже внезапно умирает 29 марта того же года. Тогда Педро, который опасался упустить Карла, для надежности перепрятал его из Чефалу в Каталонию.

Крестовый поход во главе с племянником Карла I Анжуйского, «курносый» французским королем Филиппом III, начался в конце мая и окончился уже в сентябре из-за эпидемии дизентерии, поразившей войска. Вскоре, 5 октября умирает и сам Филипп III, также от дизентерии, как и его отец Людовик Святой. А через месяц, 2 ноября умирает и сам Педро. Таким образом, к концу 1285 г. скончались все венценосные лидеры воюющих сторон. И были отправлены Данте в «Чистилище», дабы продолжать

выяснять там свои отношения. А война перешла в руки их наследников. Престолы в Арагоне и Сицилии заняли старшие сыновья Педро — Альфонсо III Откровенный и Хайме II Справедливый соответственно. А неаполитанский престол продолжал числиться за Карлом II Хромым, пребывавшим в каталонском плену.

Но он уже стал царственным пленником. И Хайме II, при посредничестве английского короля Эдуарда I, начал переговоры с Карлом о возможностях его освобождения. Видимо, тогда же изменились условия его содержания как пленника. Он обрел определенную свободу и право на собственное окружение — двор и свиту. В июле 1286 г. было заключено перемирие на 14 месяцев.

ОТ ПАЖА ДО КОНДОТЬЕРА-ВЫМОГАТЕЛЯ

Это время и место кажутся нам самыми вероятными для знакомства Карла Хромого с Бернаром де Рокафортом. Последний, будучи дворянского происхождения, вполне мог служить при арагонском дворе. А это давало возможность стать пажом, если ты кому-либо приглянешься: ведь паж — это первая ступень перед посвящением в рыцари. Вот он и приглянулся неаполитанскому королю-пленнику. Надо думать, именно тогда Карл и сделал его своим пажом. Юный Бернар, как паж, должен был уметь хорошо стрелять из лука, метать копье и камни, заниматься бегом, борьбой, плаванием, верхо-

вой ездой, а также выполнять обязанности слуги, повсюду сопровождать своего патрона, служить за столом и т. д. Видимо, он неплохо с этим справлялся, и Карл сделал его своим оруженосцем — вторая ступень перед посвящением в рыцари.

Бернару было тогда 15–16 лет. Оруженосцами становятся именно в этом возрасте. Тем самым он получил право сопровождать своего господина в бою и возможность делом доказать свою пригодность.

А пригодность заключалась том, что он был «должен привыкнуть к виду своей крови, должен знать, как трещат под ударом его зубы, — писал в XII в. английский анналист Роджер из Ховедена. — Упав на землю, он должен подняться и продолжать борьбу, не теряя храбрости. Каждый, кто может выдерживать такое, годен для участия в битве».²⁶

Далее занятия Рокафорта еще более определяют — он обязан постоянно находиться при Карле II, сопровождать его в бою, следить за его доспехами, вымачивать его кольчугу в бочке, наполненной смесью уксуса и песка, чистить шлем до блеска и покрывать маслом, следить за лошадьми и багажом, обслуживать за обедом и участвовать в охотах.

Надо думать, Бернару удалось показать своему господину лучшие качества оруженосца. После чего очертания его судьбы уже могут более конкретно проследиваться по участию Карла Хромого в дальнейших перипетиях Войны Сицилийской вечерни.

За время перемирия стороны препирались при посредничестве короля Англии Эдуарда I. В ре-

зультате, в октябре 1288 г. был заключен договор в городке Канфранко, по которому Альфонсо, наконец-то, отпустил Карла на свободу — за выкуп в 50000 марок серебра, за залог своих трех сыновей — Карла Мартелла, Луи, Роберта, и 60 провансальских дворян в придачу. Карл при этом поклялся, что он вернется в арагонский плен, если не сумеет убедить своих союзников заключить мир с Арагоном через три года.

Новый папа Николай IV незамедлительно, в начале 1289 г., короновал Карла Хромого королем Сицилии и освободил его от всех клятв. При этом он предложил Карлу, как наследнику своего отца и Магистру Ордена Дрока, возглавить новый крестовый поход на Восток, в Святую Землю. В его лице папа видел лучшую кандидатуру Великого Магистра всех рыцарских орденов.

Видимо, именно тогда Карл II посвятил своего каталонского оруженосца Рокафорта в рыцари Ордена Дрока. Тот уже достиг рыцарского возраста — 19–20 лет, он заслуживал соответствующего бенефиция. И в духе Людовика Святого, его венценосный племянник наделяет своего новоиспеченного «брата» Рокафорта апанажем — двумя замками в Калабрии. Рокафорт приносит оммаж и становится вассалом, «рыцарем короны» неаполитанского короля. Это было необычайно престижно.

А война продолжалась. Но в июне 1291 г. Альфонсо неожиданно умирает. А его брат, Хайме II

Справедливый, став королем Арагона, вовсе не собирался отказываться от Сицилии, куда и назначил своего брата Федерико наместником.

И совершенно «справедливо» решил ее продать Карлу Хрому подороже — в обмен на руку его дочери, разумеется, с огромным приданым. После очередной продолжительной торговли, в июне 1295 г. был подписан договор в городке Ананьи. Карл возвращал свою Сицилию. А также своих сыновей, находившихся в заложниках у Хайме.

Но не тут-то было. В это самое время папа Бонифаций VIII, который не оставлял идеи крестового похода и воссоздания Латинской империи, попытался сосватать Федерико с Екатериной де Куртене — наследницей титула императора Латинской империи. Но та отказала — без Сицилийского королевства такой жених ей был совсем ни к чему. Тогда Федерико решил стать королем. И не подчинился брату Хайме. 12 декабря он был коронован как король Сицилии под именем Федерико II.

Это означало возобновление войны. Но на стороне Карла II теперь уже оказался сам Хайме II.²⁷ А также Джованни Прочида и Руджеро де Лауриа, перешедшие на службу к Карлу вместе со своими наемниками-альмогаварами из Арагона и Каталонии.

В это же время исполняется 18 лет Роберту Мудрому. Карл посвящает его в рыцари Ордена Дрока²⁸ и делает герцогом Калабрии. Это меняет положение Рокафорта — он со своими двумя замками оказывается в подчинении и зависимости от Ро-

берта, который, как командующий армией, нанимает Бернара «капитаном» к себе на службу. И его права на эти замки становятся домениальными. Так Рокафорт обретает двойственный статус — оставаясь рыцарем Цветочного Креста и вассалом Карла II, он становится **кондотьером** (*condotta* — наемная плата) Роберта, герцога Калабрии. И он подряжает альмогаваров, приведенных Руджеро де Лауриа, и расквартировывает их отряды в своих замках.²⁹ Тем было совершенно безразлично, кто им платит. К тому же, как каталонец, Рокафорт легко признается альмогаварами «своим» капитаном — «альмугатеном».

После этого военные действия продолжались семь лет, в основном, в Калабрии, которая расположена на «носке» итальянского «сапога», примыкающего к Сицилии. Любопытно, что эта война велась между кондотьерами с обеих сторон. Если наемников Карла II и Роберта возглавлял Рокафорт, то наемников Федерико — Рожер де Флор, будущий

Федерико II Сицилийский

*Цветочный Крест
на монете Роберта Мудрого*

руководитель Каталонской компании. Общим окончание войны было крайне невыгодно — ведь с прекращением ее они переставали быть нужными своим государям, которым служили. Поэтому они затягивали войну ради самой войны, дававшей им пропитание, вели ее медленно,

избегая крупных решительных столкновений. А бесконечные осады не имевших никакого стратегического значения пунктов и несчетные марши и контрмарши позволяли устраивать бесчисленные грабежи и насилия над мирным населением.

Так было и в этом случае. Сначала Федерико с Рожером де Флором захватили несколько приморских городов Калабрии. За это адмирал де Лауриа разгромил сицилийский флот и взял в плен самого Федерико. Видимо, это было чисто ритуальное пленение — он был отпущен. А тем временем альмогавары Роберта и Рокафорта высадились на Сицилии и взяли Катанию. В ответ отпущенный на волю Федерико разбил эту армию и даже взял в плен Филиппа, одного из сыновей Карла II.

Но папе Бонифацию VIII не терпелось положить конец этой бесконечной войне, потому что он

очень хотел объявить новый крестовый поход для завоевания Константинополя и Святой Земли. За эти годы он подыскал Екатерине де Куртене другого жениха — Карла Валуа, брата французского короля. Тот на ней женился и унаследовал право именоваться императором Латинской империи. В этом своем новом качестве он, вместе с Бонифацием, решили помочь Карлу Хромому отвоевать Сицилию как базу крестового похода на Константинополь во главе с Карлом II — Великим Магистром всех рыцарских орденов.

Действительно, Карл Валуа в 1302 г. высадился на Сицилии, но вскоре его армия оказалась небоеспособной, тоже из-за эпидемии дизентерии. На этом интервенция и закончилась. Карлу Хромому снова пришлось договариваться с Федерико II.

И они, наконец-то, договорились — Федерико женится на дочери Карла II Элеоноре, признается им как пожизненный «король Тринакрии» (*Древнее название Сицилии. — А. Д.*). Так настаивал папа. Но титул короля Сицилии оставался за Карлом II. А после смерти Федерико II Сицилия должна была вернуться под власть Анжуйской династии. Эти соглашения были скреплены в деревушке Кальтабеллотта упомянутым договором 31 августа 1302 г., который был утверждён Бонифацием в 1303 г.

Так и закончилась эта война, в результате которой и Рокафорт, и Рожер де Флор со своими наварброванными бандами альмогаваров оказались не у дел. Их было некуда девать. Но им нужно было платить.

Ведь весь ужас наемничества для государства состоял в том, что, когда война оканчивалась, наемники больше не находили себе применения. И единственным средством избавиться от них был призыв их на новую войну — заманить их в крестовый поход или найти прибыльную работу у соседей. Ведь альмогавары, оставшиеся без дела, становились опасными и для Карла Хромого, и для Федерико. Естественно, они старались от них отделаться.

Если Федерико достаточно легко сумел избавиться от Рожера де Флора, отправив его в Константинополь, то Карлу с Робертом отделаться от Рокафорты оказалось куда труднее — он был рыцарем Цветочного Креста и владельцем двух замков, которые принадлежали ему по ленному праву, как апанаж. И в этих замках были расквартированы 200 конных рыцарей и 1000 альмогаваров, выставить которых оттуда было совершенно невозможно. Но война была закончена, как и закончен срок договора-кондотты с Бернаром и его альмогаварами.

Бернар не пожелал признавать окончание войны и условия мира в Кальтабеллотте, пойдя против воли своего сюзерена. Разумеется, он мог свободно уйти от Карла с Робертом. Но тогда он же, как «рыцарь короны», был обязан вернуть свой апанаж — замки — неаполитанскому королю. Вместе с Цветочным Крестом Ордена Дрока. Но он не хотел этого делать безвозмездно и около года удерживал замки силой, вымогая за них деньги.

Это было, по меньшей мере, безнравственно — Бернар был всего лишь вассалом Карла и Роберта. А за это не платят. У них обоих была превосходная репутация «рыцарей чести». Так, Карл, не сумев сдержать слова и выполнить условия договора с Хайме II в Канфранко, добровольно отправился на границу с Арагоном с тем, чтобы тот снова заключил его в замок. Правда, за ним никто не явился. Что до Роберта, то он был, по словам Франческо Петрарки, «уникальным среди властителей нашего времени», а также считался «другом знания и добродетели», по не менее авторитетному мнению Джованни Боккаччо. Роберта прозвали не только Мудрым, но и Добрым.

А Рокафорт оказался всего лишь алчным кондотьером, вымогателем и шантажистом своих былых покровителей — «сотрапезников и благодетелей» (*выражение Данте*). За это, по мнению того же Данте, ему полагались вечные терзания в ледяном озере девятого круга ада. По определению. Это вымогательство длилось до июля 1304 г., когда он со своими рыцарями и альмогаварами, несолоно хлебавши, присоединился к Каталонской компании, возглавленной таким же кондотьером — Рожером де Флором. А Цветочный Крест Людовика Святого, конечно же, не вернул. Это было самым почетным его достоянием — ведь Людовика не так давно (1297 г.) канонизировали, и Орден Дрока стал едва ли не престижнейшим в христианской Европе.

P. 13.

Et el q' volch q' en d'uno muntanera
 en lo començament d'una llibre en lo p'prietat
 Capitulo 100

Et en lo die d'immortalitat en la fies d'algua
 l'assessors en d'una regala assessor de l'assessors
 en un capitulo 101

Et en lo die d'una muntanera assessor en d'una
 d'una d'una muntanera d'una muntanera en un capitulo
 102

Et en començament d'una d'una muntanera d'una
 l'assessor q' d'una l'assessor d'una muntanera en un capitulo
 103

Et en lo d'una muntanera q' d'una muntanera d'una
 assessor de d'una muntanera en un capitulo 104

Et en lo d'una muntanera de muntanera q' d'una
 muntanera d'una muntanera muntanera d'una muntanera
 d'una muntanera assessor muntanera de muntanera en
 la fies de d'una muntanera en un capitulo 105

Et en lo die d'una muntanera assessor en la fies
 de d'una muntanera assessor de la fies de d'una muntanera
 q' d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 106

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 107

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 108

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 109

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 110

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 111

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 112

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 113

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 114

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 115

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 116

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 117

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 118

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 119

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 120

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 121

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 122

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 123

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 124

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 125

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 126

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 127

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 128

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 129

Et en lo die d'una muntanera assessor de d'una muntanera
 d'una muntanera assessor de d'una muntanera en un capitulo
 130

Хроника Рамона Мунтанера

За славой и добычей

По мнению деятельного участника Великой Каталонской компании Рамона Мунтанера, Рожер де Флор и его спутники являются отважными, благородными, делающими честь своему народу бойцами за правое дело. Испанские историки ими гордятся и охотно сравнивают деяния Флора, Рокафорта и др. с подвигами знаменитых испанских завоевателей Мексики и Перу в XVI в. Кортеса и Писарро. Они не знают, «какой другой народ может гордиться столь знаменательным историческим событием, как наша славная экспедиция на Восток».

Со своей стороны, Фома Магистр, живший в правление императора Андроника II, в своем письме «О том, что совершили во время набега италийцы и персы», подробно описывает зверства каталонцев и именует их не иначе как варварами, бандитами, изуверами. «О если бы Константинополь никогда не видал латинянина Рожера!», — восклицает он. Наряду с ним все греческие историки, начиная с Георгия Пахимера³⁰ и Никифора Григоры видят в каталонцах лишь беспощадных убийц, грабителей, насильников, мародеров и гордецов. Каталонцы же, естественно, считали греков и их императора коварными интриганам и предателями.

Другие историки более сдержанны в своих оценках этих «деяний». «Экспедиция каталонцев на Восток является удивительным примером успеха, кото-

Рожер де Флор

рый иногда сопутствует грабегам и преступлениям, наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла», — считает англичанин Дж. Финлей. Как бы там ни было, всем очевидно, что «поход каталонцев — это одна из самых захватывающих трагедий в истории государства Палеологов» ввиду своего исключительного драматизма.³¹

Рожер де Флор, или Рутгер фон Блюм (фамилия отца его была Блюм (т. е. цветок), что в переводе соответствует итальянскому и испанскому Флор), был лишь немногим старше Рокафорты. Он родился в 1267 г. в Бриндизи в семье немца-сокольника на службе у сицилийских Гогенштауфенов. С восьми лет плывал на галере тамплиеров, со временем вступил в их орден и командовал кораблем. Но, в

1291 г., за шантаж, воровство и денежные вымогательства был исключен из ордена и объявлен отступником церкви.

Но зато Рожер на эти деньги купил в Генуе собственное судно, нанял себе альмогаваров и принялся зарабатывать на жизнь пиратством. В чем весьма преуспел. Сицилийский король Федерико II решил воспользоваться военно-морским опытом Рожера и пригласил его на свою службу адмиралом. И он возглавил отряды альмогаваров в войне Федерико с Карлом Хромым, Робертом и Рокафортом, окончание которой в 1302 г. оставило Рожера и его каталонских наемников без дела.

А в это время папа Бонифаций VIII продолжал настойчиво искать любые возможности для организации крестового похода и воссоздания Латинской империи. Ведь Константинополь был «золотым мостом» между Востоком и Западом, через который лились товары, прибывавшие в Европу из самого Китая по караванным трассам Золотой Орды. Овладение Константинополем сулило огромные прибыли, ныне оседавшие в византийской казне и банках Генуи.

У Карла Хромого, совершенно истощенного сицилийской войной, никаких сил воевать с Византией не было. Зато они нашлись у Арагонского дома, как в Сицилии, так и в Испании в лице Рожера де Флора и его жаждавших любой войны альмогаваров. Арагонцы были склонны использовать их «свирепую

силу и энергию» (*выражение Ф. И. Успенского*) в своих интересах. В эти интересы, в том числе, входило изгнание генуэзцев из Константинополя.

«Друзья ромеев с давних времен»

До появления каталонцев большую и лучшую часть византийской армии составляли наемники-аланы (ясы) из Причерноморских степей. Они оказались на византийской службе тоже не от хорошей жизни.

Аланы-ясы известны в Северном Причерноморье и низовьях Дуная с середины I в. н. э. В отличие от не слишком симпатичных альмогаваров почти все были «высоки ростом, красивы и страшны сдержанно-грозным взглядом своих глаз, очень подвижны вследствие легкости вооружения...». Правда, они, по мнению византийцев, вели «дикий образ жизни». После татаро-монгольского завоевания аланы-ясы оказались под властью золотоордынского темника Ногая и, как пишет Никифор Григора, не по своей воле служили монголам. Но, по мнению Георгия Пахимера, служили они у монголов достаточно долго, чтобы усвоить их язык, обычаи и воинское искусство. Они были христианами и «друзьями ромеев с давних времен».

Многие историки отождествляют аланов-ясов с «бродниками» (*от «переправа», «брод»*)³², населявшими тогда долины Днестра, Прута, Олта и Нижнего Дуная, т. е. территории улуса темника-«сепаратиста» Ногая. Сохранились и топоними-

ческие следы их здешнего проживания — Ясский хребет в Карпатах, город Яссы, город Оланешты (*от молд.: оланы*), село Яськи на Нижнем Днестре (близ Джинестры) и др.

Около 1270 г. Ногай отложился от Золотой Орды и обустроил собственный улус с центром Исакча в низовьях Дуная. Отсюда он терроризировал Византию и Болгарию — насильственно породнился с Палеологами, женившись на Ефросинье — побочной дочери византийского императора Михаила VIII, а также 15 лет держал в заложниках Федора Святослава — будущего царя Болгарии. Второе Болгарское царство оказалось от него в вассальной зависимости. Аланы были одними из основных контингентов в войсках Ногая и костяком армии его старшего сына Чаки.

Противостояние Ногая и хана Золотой Орды Токты закончилось около 1300 г. битвой при Куганлыке (Куяльнике — место, где вскоре появится наша Джинестра). Ногай был ранен, бежал, а затем был убит.³³ А Чака был женат на Елене, сестре Федора Святослава. Это важно для нужд дальнейшего повествования. После сражения у Куяльника он тоже

‘Ο ιστορικὸς Παχίμερ,
εἰκὸν ὡς Βυζαντινοῦ χειρογράφοῦ

Георгий Пахимер

бежал, собрал новое войско из аланов-ясов и, подавив мятежников, вторгся в Болгарию. В этом вторжении участвовал и его шурин и заложник Феодор Святослав Тертер. Их целью было совершить государственный переворот. Это им удалось.

Царь Смилец в Тырново был убит по приказу Чаки, его вдова с сыном Иваном бежали в Византию. А Чака стал царем Болгарии, но ненадолго. К началу 1301 г. он был свергнут Федором Святославом и заточен в Тырновский замок Царевец.

А в это время победитель Ногая хан Токта вторгся в Болгарию. Ему нужна была лишь голова Чаки. Желательно, отрубленная. Тогда Феодор Святослав велел удавить Чаку в Царевце, обезглавил и послал Токте его голову в подарок.

Токта был очень доволен и благодарен — за это он подарил Федору Святославу все земли бывшего улуса Ногая до низовий Днестра включительно. Это тоже важно для нашего повествования, как и то, что жена Чаки, сестра болгарского царя Елена стала вдовой.

Так Федор Святослав, захватив болгарский престол, оказался в состоянии войны с Византией, приютившей свергнутых малолетнего Ивана Смилеца с матерью.³⁴

В результате два тумена наемников-аланов в числе 16 тысяч во главе с «темником» Джиаргоном (Георгием), служившим Чаке, остались не у дел. Вместе со своими женщинами, детьми и стариками.

Не желая служить ни Токте, ни Федору Святославу, они, как «друзья ромеев с давних времен», предложили свои услуги Василевсу.

Император, разумеется, был счастлив возможности приобрести два тумена профессиональных воинов, к тому же христиан, в лояльности которых у него не было особых сомнений. И он принял аланов-ясов на службу. Сроком на один год.

«Их приход был воспринят как дар providения, ниспосланный в необходимое время, чтобы нам помочь... — пишет Георгий Пахимер, — и они по собственному желанию прибыли на своих телегах и крытых повозках. Император назначил им жалование из общественных налогов». Токта был, конечно же, этим недоволен, но византийцы ублажили его подарками и уговорили.

Аланские наемники были разделены на три части. Их элитные отряды образовали, под руководством Джиаргона, как бы личную гвардию Михаила IX. Остальные две пополнили контингенты византийской армии, в составе которой они год (согласно договору) воевали против болгар и турок.

*Серебряная монета
Федора Святослава*

Андроник II Палеолог

Эти сражения шли с переменным успехом. На востоке турки-сельджуки и османы все более усиливали давление на Византию. К 1302–1303 гг., после проигранных Михаилом IX сражений, положение оставшихся ее владений в Малой Азии стало критическим: по дорогам угасающей империи бродили кочевые турецкие орды, греки тысячами бежали в Европу, а оставшиеся отсиживались в крепостях. Мусульмане вырубали виноградники, лишив греческих крестьян важнейшего источника дохода.

В этих сражениях множество аланов погибло. А оставшиеся наемники требовали полагающуюся им плату «за услуги». Но Василевс тянул с этим де-

лом. Тогда аланы решили вернуться в Болгарию и полностью перебили весь византийский заградительный отряд. Императору пришлось расплатиться и продлить договор с аланами еще на год. Это было весной 1303 г.

Империя очутилась в ужаснейшем положении. На нее «хлынули целые моря несчастий, как будто тысячи ветров, вдруг сорвавшись с противоположных концов, все взбурлили и взволновали» (*выражение Никифора Григоры*). С севера Византии угрожала Болгария во главе с царем Федором Святославом. Да и с востока турки уже хозяйничали близ самого Константинополя, в то время как император, Андроник II Палеолог «как бы спал, или не был в живых» (*выражение Георгия Пахимера*). Без посторонней помощи он обойтись никак не мог.³⁵

Бойня на свадьбе

Такую помощь и предложил ему Рожер де Флор — его альмогавары не желали мирной жизни и искали любого нового случая повоевать, заработать и пограбить.

За это Рожер потребовал от Андроника согласия на его брак с племянницей императора, дарование титула мегадуки (генерал-адмирала) и соответствующей оплаты «услуг». Деньги были немалые — по четыре унции золотом каждому рыцарю в месяц, и по две унции — оруженосцам, по унции — каждому альмогавару. Император согласился — куда деваться.

После чего Каталонская компания покинула Мессину на 36 кораблях (в том числе 18 галер) в количестве 8000 человек (1500 рыцарей и оруженосцев, 4000 альмогаваров, и великого множества слуг, женщин, стариков и детей) и прибыла в порт Моневасия (на Пелопоннесе). Здесь Рожер потребовал предоплаты на четыре месяца. Затем они отправились в Константинополь в сентябре 1303 г., где Компания была размещена Андроником в районе Вланхернского дворца, близ Золотого рога. Там же состоялась оговоренная церемония присвоения Рожеру звания Великого Дука, или Мегадука (*греч.: μέγας δούξ* — *досл.: великий командир*), или главнокомандующего, как сухопутными войсками, так и военно-морскими силами Византии, а также его бракосочетание с племянницей императора, 16-летней принцессой Марией, дочерью царя Болгарии Ивана Асеня III и Ирины Палеолог. Так Рожер породнился с Палеологами.

В торжестве принимали участие соправитель и наследник Андроника Михаил IX, а с каталонской стороны — сенешаль компании Корберан д'Але, капитаны альмогаваров Рамон Мунтанер, Феррандо д'Аонес и другие боевые командиры, «almocaden»'ы каталонцев. Присутствовали представители республики Генуя. И они попытались сорвать свадьбу.

Ибо почти весь византийский флот состоял из арендованных генуэзских кораблей. И назначение Рожера его командиром их совершенно не устра-

ивало, поскольку подрывало позиции Генуи в Восточном Средиземноморье и на Черном море.

Поэтому отряд генуэзских наемников со своим знаменем, во главе с капитаном Россо дель Финара, прямо во время свадьбы Рожера ворвался во Влахернский дворец. Генуэзцы попытались сорвать эту церемонию. Однако альмогавары, казармы которых располагались поблизости, со знаменем Арагона, окружили дворец и перебили всех находившихся там генуэзцев. После чего они направились в Перу (генуэзскую колонию в Константинополе) и перебили там более 3000 генуэзцев. Эта бойня произошла в сентябре 1303 г. Был убит и главнокомандующий генуэзским флотом. Все корабли были захвачены каталонцами. Адмиралом флота Рожер назначил своего капитана Феррандо д'Аонеса.³⁶

Михаил IX Палеолог

ТРИУМФ РОЖЕРА ДЕ ФЛОРА

На этих же захваченных кораблях Рожер со своими альмогаварами уже в октябре 1303 г. отправи-

лись в Анатолию³⁷, к городу Кизику, где внезапно напали на турецкий лагерь и устроили там еще более ужасающую резню — было перебито более 10 тыс. пехотинцев и около 3 тыс. всадников, не успевших даже сесть на лошадей. А также многие женщины и дети. Это была впечатляющая победа, каталонцы продемонстрировали недюжинное военное мастерство и исключительную жестокость. Император снова щедро расплатился с Рожером и его войсками, которые провели зиму в разнuzданных грабежах и мародерствах. Окрестности Кизика были полностью опустошены.

Не меньшее мастерство и изощренную жестокость они неизменно демонстрировали и в последующих сражениях с турками на протяжении 1304 г. Впрочем, военная кампания сопровождалась постоянными конфликтами и распрями каталонцев с аланами. Один из них особо значим для нашего сюжета — несколько альмогаваров собрались было изнасиловать жену какого-то мельника-грека. Но аланы вступились за нее. В ответ каталонцы ночью напали на аланский лагерь, и в завязавшейся драке было убито около 300 аланов, среди которых был сын аланского предводителя Джиаргона. Разумеется, Джиаргон поклялся отомстить.

А пока, передохнув после Кизика, каталонцы (6000 альмогаваров) вместе с аланами (1000 всадников) в начале мая продолжили кампанию в том же духе. Они освободили Филадельфию от турец-

кой осады, оставив после себя около 20 тыс. трупов врагов. Затем они взяли еще несколько крепостей (Герма, Магнесия, Сипилум, Кула, Тира и др.) с такой же жестокостью. Рожер во многих случаях обезглавливал или вешал византийских военачальников за трусость и предательство, захватывал магистраты, изгонял византийских наместников и назначал собственную администрацию.

Все это сопровождалось чудовищными грабежами всех без разбора, насилиями и мародерством. В Магнесии Рожер устроил собственную казну и, уже на свои деньги, нанял 3000 турецких наемников, которые уже служили лично ему. Эти наемники — туркополы (*от греч. Τουρκόπουλοι* — «сыны турков») — местные конные лучники — издавна служили в византийской армии, составляя в ней, как и аланы, особые подразделения. Они, преимущественно, были детьми от смешанных браков между греками и турками и, в большинстве своем, христианами. Многие из них рекрутировались из христианизировавшихся сельджуков, или из сирийских православных христиан. Создав, таким образом, собственную армию и администрацию, Рожер де Флор уже вел себя как правитель, который обустроивает свое государство в западной Анатолии. Те византийские чиновники, которым удалось спастись, бежали в Константинополь. Император пребывал в бессильном отчаянии. А Рожер тем временем захватил город Тиру. В этой битве погиб его сенешаль Корберан д'Але, который был

женат на его дочери. Это событие совпало по времени с прибытием Бернара де Рокафорта.

Бернар де Рокафорт, решившийся наконец-то присоединиться к Каталонской компании, в июле 1304 г. прибыл в Константинополь на нескольких галерах с 200 всадниками и 1000 альмогаварами. Андроник отправил его к Рожеру.

Тот принял Бернара как родного — женил на своей дочери (взамен погибшего Корберана) и назначил своим сенешалем (вместо того же Корберана). А также подарил ему 100 лошадей и много золота.

Роджер и Бернар затем вместе отправились к городу Ани. Их альянс оказался очень эффективным — вместе они одержали блистательную победу в битве при Ани, уничтожив многократно превосходившую их числом армию турок в 18 тысяч человек.

Это был апогей их общего успеха. Оба лидера были в эйфории — казалось, уже ничто не может им помешать. После такой победы альмогавары снова предались грабежам и бесчинствам и стали требовать далее продвигаться на восток, в Святую землю.

МЕСТЬ ЗА МЕСТЬ

Но для этого требовались немалые деньги, которые имелись у Рожера в Магнесии. Но, вернувшись в Магнесию, он обнаружил, что аланы перебили каталонский гарнизон и захватили всю его казну и добычу. Тут же каталонцев покинули последние 500 аланов, оставшиеся в рядах Компании. Это

была месть Джиргона за своего сына. Рожер осадил город, но безуспешно.

Это было как холодный душ. Ни денег, ни аланов. К тому же и Андроник понизил оплату каталонцев в пять раз, что вызвало бурю негодования всех наемников.

Это был, конечно же, ошарашивающий удар. Но еще не катастрофа. И взбешенные альмогавары, хаотично передвигаясь от одного греческого города или поселка к другому, стали беспощадно их разграблять. Они просто упивались своим мародерским раздольем и бесчинством. «Они, проходя чрез оставшиеся у несчастных римлян города, поступали как нельзя хуже: они нажились, как на неприятелей, на тех, которыми были призваны, говоря в свое оправдание, что не получают от казны определенного годового жалованья и что потому, прежде чем умереть с голоду им самим, им необходимо умирить тех, которые их призвали, а своих обещаний не выполнили. Таким образом можно было видеть не только то, как расхищались имущества жалких римлян, как были насилуемы девицы и замужние женщины, как были связываемы и истязуемы другими способами старики и священники (неприятная и безжалостная рука латинян была находчива на истязания), но часто и то, как над головой римлянина сверкал обнаженный меч, грозя ему немедленную смертью, если не объявит, где хранятся его деньги. Римляне или отдавали все и сами оставались ни с чем, или же, не имея чем откупиться,

валялись по дорогам с отсеченными оконечностями тела, представляя из себя жалкое зрелище, выпрашивая у прохожих ломоть хлеба или какой-нибудь обол и не имея никаких других средств к поддержанию жизни, кроме языка и ручьев слез». ³⁸

Пока Рожер с альмогаварами медленно двигался к Галлиполи, греки, уstraшенные кровавым разгулом каталонцев, предпочли сами отдаться под турецкую защиту. Кстати, и каталонцы, которым император явно недоплачивал, стали возвращать туркам захваченные ими города за отдельную плату. Так, уже в октябре 1304 г. они вернули туркам Эфес, а несколько позднее — Сарды, Нимфей и Магнесию.

Положение усугублялось и тем, что сами византийцы отвратительно относились к своему изнуренному войной населению. Рамон Мунтанер писал в своей «Хронике», что «Бог покарал греков так, что их может смутить всякий. У них два определенных греха: во-первых, они самые надменные люди в свете и всех считают ни во что, хотя сами не стоят ровно ничего. Во-вторых, они менее кого-либо в свете имеют жалость к ближнему. В бытность нашу в Константинополе греческие беглецы из Азии валялись на навозе и вопили от голода, однако не нашлось никого из греков, кто дал бы им что-либо Бога ради, хотя в городе было изобилие всяких припасов. Только альмогавары, тронутые большою жалостью, делились с беглецами своею пищею. Потому больше двух тысяч нищих греков,

ограбленных турками, следовали за алмогаварами повсюду... Ясно, что Бог отнял у греков всякий рассудок». Это неудивительно — империя Андроника погрузилась «в хаос и безвластие» (*выражение Георгия Пахимера*).

Как бы там ни было, император вернул каталонскую дружину в Галлиполи, но расплатиться с Рожером не захотел или не смог. А в это самое время, в конце 1304 г. туда же прибыл Беренгар д'Энтенца, посланный в помощь Рожеру королем Хайме II Справедливым и его братом Федерико II Сицилийским, дабы блюсти интересы Арагонского дома. Д'Энтенца был родовитым арагонским аристократом, а потому считался куда выше Рожера и, тем более, Рокафорта. И держался он очень заносчиво. Он же привез с собой на девяти галерах около 300 конных рыцарей и 1000 альмогаваров. Тем самым, этот гордец становился третьим лидером Каталонской компании. Рожер и Бернар были рады, разумеется, военной помощи, хотя само присутствие д'Энтенцы с его аристократической спесью их несколько не очаровывало.

Альмогавары, хотя и несколько утомленные мародерством, бесконечными грабежами и бесчинствами, были готовы к новым сражениям. Тем более что турки снова осадили Филадельфию и захватили остров Хиос. Рожер де Флор вновь стал готовиться к походу в Анатолию.

А Андроник все более и более опасался Рожера с его непомерными амбициями и претензиями на

собственное государство и, упаси Господи, на императорскую корону. И они с Михаилом IX решили от него избавиться с помощью аланов Джиаргона, которые, хоть и захватили львиную долю сокровищ Рожера в Магнесии, но все равно считали себя недоотомщенными. Все эти чувства и опасения всячески разделялись и подогревались генуэзцами.

Михаил со своей армией, включающей и элитную «аланскую лейб-гвардию» (*выражение Фердинанда Грегоровиуса*) во главе с Джиаргоном, проводил время в войне с болгарами. Его ставка была в Адрианополе. Туда и пригласил он Рожера на пир, дабы попрощаться перед походом в Анатолию. Принцесса Мария, глубоко любившая своего мужа, умоляла его уклониться от приглашения. Но Рожер не внял ее мольбам и отправился к Михаилу с сильнейшей охраной в триста всадников и тысячью пехотинцев. Он был встречен очень торжественно и по-дружески. И в этот же день был зарезан лично Джиаргоном за обеденным столом, а все его люди были почти поголовно перебиты аланами. Это было прекрасно спланированное заказное убийство. Лишь несколько каталонцев сумели бежать и добраться до Галлиполи, дабы поведать это страшное известие д'Энтенце и Рокафорту. Слух об этом почти мгновенно распространился среди населения империи. Находившиеся в столице и других городах каталонцы также подверглись избиению.

Михаил, развивая успех, окружил Галлиполи. Его войска — греки, аланы и туркополы — состояли из

14000 всадников и 30000 пехотинцев. Но, по словам Мунтанера, «ярость и отчаянная решимость бушевали в лагере каталанов». Д'Энтенца немедленно, «с истинно испанской гордостью шлет в Константинополь большое посольство для объявления войны Андронику по всем правилам рыцарских обычаев». Затем он «сжег Ираклию, возле Родосто, — богатое фракийское побережье было опустошено беспощадно, пятна крови долго плавали в море... толпы несчастных беглецов наводнили Константинополь, наводя ужас своими рассказами». Но столица империи была спасена генуэзцами — им удалось разбить д'Энтенцу и захватить его в плен вместе с кораблями и добычей. Его не отдали императору, а отвезли в Геную.

Компания осталась в составе лишь 206 всадников, 1256 пехотинцев во главе с комендантом Галлиполи Рамоном Мунтанером, сенешалем Бернаром де Рокафортом и шестью капитанами. С этими силами Рокафорту удалось прорвать блокаду на суше, переманить на свою сторону значительную часть туркополов и, вместе с ними, занять северную часть Галлиполийского полуострова. После чего каталонцы с туркополами направились к Стении — имперскому арсеналу к северу от Золотого Рога — и сожгли там более 150 различных судов. А затем они разграбили и подожгли Стению, захватили четыре своих галеры, потерянные ими ранее, загрузили их добычей и отплыли в Галлиполи на виду у константинопольцев.³⁹

Те, леденящие душу, зверства, которые чинили каталонцы далее, именуется в литературе Каталонской, или Альмогаварской мезтью. Рокафорт, после смерти Рожера де Флора и пленения д'Энтенцы, превратился в единственного лидера Компании — к концу 1305 г. он объединил вокруг себя рядовых альмогаваров, искавших лишь добычи и подвигов. «Счастлиное франкское войско в Романии»⁴⁰ (как себя называли каталанские банды) под знаменами Святого Георгия и Святого Петра стало буквально истреблять ненавистных греков. Население было перебито или продано в рабство, на полях Южной Фракии «не осталось ни земледельца, ни плодового дерева». Они сжигали все православные монастыри, которые только попадались им на пути. Компания оставила настолько глубокий след в историческом сознании греков, что само имя каталонцев и производные от него до сих пор употребляются в греческом языке для описания хаоса, бессмысленной беспощадности и живодерства. Были разграблены афонские монастыри, население Халкидики уменьшилось на 25–40 процентов. Память об этом опустошении и чудовищной жестокости альмогаваров продлится в исторической памяти греков на многие века — монахи Афона запрещали посещение каталонцами территории монастыря до 2000 года. До сих пор в некоторых областях Греции, чтобы упрекнуть кого-либо в дурном поступке, говорят: «Этого не сделали бы и каталонцы». В Афинах

само слово «каталонец» — бранное, оно синоним «дикаря, разбойника, преступника».

В этой ситуации смерть Рожера и пленение д'Энтенцы было Рокафорту очень даже на руку. Если «вчувствоваться» в его интересы, то более всего его занимало, как бы вернуть себе казну Рожера, которая была отнята аланами у каталонцев в Магнесии. Между тем, отношения Андроника и Михаила с аланами резко испортились, поскольку византийцы уже не могли или не хотели им платить. И тогда, весной 1306 г. 16000 аланов решили оставить императорскую службу и вернуться домой, в низовья Днестра и Дуная, которые были недавно подарены ханом Токтой болгарскому царю Федору Святославу в благодарность за голову Чаки. Они просили Святослава принять их обратно. Святослав, который вел почти непрерывающуюся войну с Византией, охотно согласился — ему нужны были и воины, и население.⁴¹

В ПРЕДВКУШЕНИИ ПРЕКРАСНОЙ ЕЛЕНЫ

Узнав об этом, Рокафорт решает перехватить аланов прежде, чем они пересекут Дунай, и отнять у них казну. Он забрал с собой для этого почти всех имевшихся в наличии альмогаваров из Галлиполи. Они настигли и разгромили аланов у города Хемуса (июнь 1306 г.), уничтожив 9000 воинов, и захватили огромную добычу, в том числе и вожаки сокровища Рожера де Флора. Аланы в этой битве

потеряли практически все, что они заработали и награбили на византийской службе. Святослав сам направился с отрядом в 1000 солдат на помощь аланам, но было поздно. И тогда он предложил Рокафорту пропустить аланов в Болгарию, самому перейти к нему на службу, а также руку своей сестры Елены, которая была вдовой Чаки.⁴²

Это была выгоднейшая сделка. Если «вчувствоваться» в соображения болгарского царя, то он этим предложением возвращал себе податное население бывшего улуса Ногай и Чаки, который стал теперь частью его владений, а также приобретал профессиональную армию каталонцев для защиты восточных рубежей своего царства с Золотой Ордой на Днестре. Это освобождало ему руки для продолжения войны с Византией.

Альмогаварам с их семьями было тоже достаточно выгодно покинуть совершенно разграбленную ими же Южную Фракию и перейти грабить на новые территории. Но более всех это было выгодно самому Рокафорту — он, женившись на вдове Чаки, вместе с Еленой получает наследство Чаки — обширную территорию, принадлежавшую некогда самому великому Ногаю. Это же целое королевство! Или царство!

Святослав, таким образом, давал Рокафорту такой шанс, упустить который было никак не возможно. Ведь именно это и было пределом мечты «вознесшегося смиренного» кондотьера, рыцаря-носителя Цветочного Креста. Перед Рокафортом откры-

валась лакомая возможность, упущенная Рожером де Флором, — заполучить себе королевство. Его не нужно было даже завоевывать — оно готовое попадало ему в руки вместе с подданными — аланам.

И тогда, видимо, опасаясь, как бы Святослав не передумал, Рокафорт немедленно организует экспедицию в свои предвкушаемые новые владения, восточными пределами которых было устье Днестра. По тогдашним картографическим представлениям это устье включало также долины Хаджибея, Куяльника и Аджалыкских лиманов. Именно сюда и отправились Рокафорт с альмогаварами на нескольких галерах, дабы обустроить форпосты на восточных рубежах Болгарии с Золотой Ордой. Естественно, что эти форпосты были им именованы по названиям цветов своего рыцарского Ордена — Дрока и Лилий. Именно так, думается, здесь возникли приморские поселки с соответствующими именами — Джинестра и Флорделис.

Судя по всему, экспедиция Рокафорта по обустройству Джинестры и Флорделиса состоялась летом-осенью 1306 г. Это была разведка и рекогносцировка новых территорий, которыми он вознадеялся и так жаждал овладеть. А успеху ее способствовало почти полное тогдашнее бессилие Генуи на Черном море после резни на свадьбе Рожера де Флора — болгарские порты были для нее закрыты. К тому же и хан Токта изгнал геноуэзцев из своих владений за то, что они покупали татарских детей и продавали их в рабство. Поэтому на море тогда у каталонцев не

было сколько-нибудь серьезных конкурентов. Думается, что свои прибрежные поселки они основали на местах заброшенных генуэзских якорных стоянок.

При этом вся добыча каталанов и аланов находилась в тот момент в руках Бернара — и сокровища Рожера из Магнесии, и добыча альмогаваров во Фракии, и все награбленное аланами. Это были несметные богатства, вдобавок к которым он получал руку Елены. Поэтому в июле-августе 1306 г., когда цветет дрок и расцветают лилии, у Рокафорта были все основания для оптимизма, радужных грез, надежд, предсвадебных ожиданий и предвкушений. Главное — не спугнуть такую удачу.

Ничто не мешает нам думать, о чем он мечтал в зарослях дрока на наших берегах далеким летом 1306 года — о том, что, женившись на прекрасной Елене, он становился ближайшим родственником болгарского царя, что чрезвычайно повышало его социальный статус, престиж и даже (чем черт не шутит?) позволяло, в случае чего, претендовать на болгарский престол. Ведь у Чаки же получилось его захватить? Так чем он, БЕРНАР ДЕ РОКАФОРТ, хуже какого-то там Чаки. Кроме того, ему могли не быть чуждыми и миссионерские чувства — как благороднейший рыцарь Ордена Дрока он основывал форпосты на западных рубежах христианского мира против Золотой Орды. Это полностью соответствовало крестоносным грезам Людовика Святого, который мечтал обратить всех монголов в христианскую веру. Тогда не исключено, что

цветочное имя Ордена Дрока было им дано Джинестре, отчасти, из миссионерских побуждений. Он был романтиком, если жил по девизу «Ты возносишь смиренных», начертанном на его рыцарском значке.

Это соотносилось и с крестоносными идеями Анжуйского и Арагонского королевских домов, благодаря которым он, из хундордных министералов, стал рыцарем Цветочного Креста и которые, в сущности, и инициировали Каталонскую компанию Востока. Поэтому у Бернара все выходило как бы очень даже «по-рыцарски» — настоящий подвиг-авантюра (*фр.: l'aventure*). И он, видимо, упивался своей удачей.

Но, как назидательно заметил о таких, как Рокафорт, «рыцарях удачи» византийский историк Никифор Григора, «тешить себя такими мыслями прилично только недалекому уму, который такого рода, что направляется в самую глубь тины и не может возвыситься до мысли, что событиями располагает Промысл, соответственно тем вызовам, которые мы делаем Ему нашими делами». ⁴³

Что же устроил «Промысл, все направляющий к пользе людей»?

А тем временем, к концу осени 1306 г. Федор Святослав передумал отдавать Елену какому-то заезжему каталану. Ведь он уже добился желаемого — избавился от бесчинствующих альмогаваров

на южных границах своего царства, отвоевал прибрежные города у византийцев и вернул своих аланов в родные причерноморские степи. К тому же, каталонские форпосты на восточных рубежах Болгарского царства вряд ли могли понравиться хану Токте. Святославу не было ни малейшего смысла портить добрые отношения с Золотой Ордой, сложившиеся после казни Чаки. Особенно в условиях продолжавшейся войны с Византией.

Поэтому болгарский царь решил эту войну прекратить, помириться с Андроником II, а заодно и жениться на его внучке Феодоре. Для этого он послал две галеры с зерном в голодающий Константинополь, чем завоевал симпатии населения, которое стало оказывать давление на императора. Уже в начале 1307 г. соглашение между Болгарией и Византией было подписано и скреплено браком Святослава с Феодорой. Соглашение подтвердило все территориальные завоевания болгар.

Рокафорт стал Святославу уже не нужен. И тому ничего не оставалось делать, как спешно вернуться со своими альмогаварами в Галлиполи — ведь, упустив свой шанс стать правителем, он мог потерять и власть над Компанией. Для этого были все основания — тогда же, к концу 1306 г. в Галлиполи возвращается и д'Энтенца, выкупленный Хайме II из генуэзского плена. Он прибыл вместе с инфантом Фердинандо Майоркским, которого послал Федерико II для кон-

троля за действиями Компании. Они привезли с собой 6000 альмогаваров.

По возвращении Рокафорт сразу же ссорится с д'Энтенцей и инфантом Фердинандо. Его поддерживали и вновь прибывшие с инфантом альмогавары, которых мало занимали политические интересы Арагонского дома — они искали лишь добычи и удачи. В результате конфликта «славолюбивый инфант» (*выражение Фердинанда Грегоровиуса*) вынужден был бежать, а брат Бернара Жильбер вместе со своим дядей как бы «случайно» убили д'Энтенцу во время очередной размолвки.

Так Бернар опять стал единоличным лидером Компании. И он снова, с еще большим упоением и «свирепой силой и энергией», принялся со своими альмогаварами грабить Македонию, Халкидики и разорять Афонские монастыри. Афонский монах-очевидец писал: «Ужас бе видети тогда, запустение Святой Горы от руки сопротивных». Видимо, раздраженный неудачей своей «болгарско-аланской» авантюры, он вознамерился стать герцогом Афинским.

«Но дело, как видно, было не угодно Богу, — пишет Григора, — и кончилось несчастным образом». Свирепая жестокость и самоуправство Рокафорты достигли такой степени, что вызвали недовольство среди командиров альмогаваров. Они стали роптать и возмущаться.

Этим не преминул воспользоваться Карл Валуа, который сам был не прочь стать Афинским герцо-

гом. Его рьяно поддерживали венецианцы, которые «сыпали золотом между вождями каталанов, чтобы низвергнуть Рокафорта... им удалось вызвать мятеж против этого способнейшего наследника кесаря Рожера». В результате венецианский адмирал Тибо де Сепои сумел схватить Бернара вместе с братом Жильбером. А Карл Валуа отправил их к Роберту Мудрому (Доброму), своему давнему другу и союзнику, который незадолго до того стал неаполитанским королем. Тот прекрасно запомнил алчность и вымогательства Бернара за два замка в Калабрии. Видимо, мудрый Роберт, с немалым удовольствием, заточил братьев Рокафортов в свой замок Аверса под Неаполем и, по доброте душевной, уморил их там голодом. И оба они, наверное, сразу угодили в девятый круг Ада вечно страдать в вечной мерзлоте. Как у Данте и полагается.

Таковой оказалась судьба незадачливого «зачинателя» Джинестры, рыцаря Ордена Дрока Бернара де Рокафорта. Зато, благодаря этому «странствующему каталану», ее название появляется на морских картах-портоланах с начала XIV в., продолжает там сохраняться вплоть до XVIII в., а затем исчезает. И осталось только имя — Имя Дрока, которое и рассказало нам всю эту увлекательную историю.

Историческая память отнеслась к героям этого повествования по-разному. Многие персонажи войны Сицилийской Вечерни упомянуты Данте в «Божественной комедии» и награждены подобаю-

Арест Бернара де Рокафорта

щими эпитетами. Из героев Каталонской компании громко прославился лишь Рожер де Флор, поскольку «Хронику» его жизни составил служивший под его началом капитан альмогаваров Рамон Мунтанер — самая, пожалуй, привлекательная личность из лидеров Компании. Его «Хроника» легла в основу знаменитого рыцарского романа Жуанота Мартуреля «Тирант Белый»⁴⁴, написанного в конце XIV в. Мигель де Сервантес был убежден, что «в рассуждении слога это лучшая книга в мире».

Бернар де Рокафорт не был ранее удостоен подобной чести. Видимо, он все же сумел ее заслужить,

поскольку оставил потомкам тайну имени Джинестры, раскрытие которой позволило нам вырвать имя ее зачинателя из мрака забвения. Так обустроил «Промысл, все направляющий к пользе людей», по убеждению Никифора Григоры.

Вскорости после ухода «странствующих каталанов» (*выражение Ф. К. Бруна*) Джинестру возвращают себе генуэзцы, которые и владеют этой якорной стоянкой почти до самого конца XV в. Но это уже совсем другая история.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Брун Ф. К. Берег Черного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV и XV столетий // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. — Одесса: Печатная типография Г. Ульриха, 1880. — С. 72–97.

² Брун Ф. К. Судьбы местности, занимаемой Одессой // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. — Одесса: Печатная типография Г. Ульриха, 1880. — С. 160–188.

³ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М., 2004.

⁴ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001. — С. 668–669.

Автор, по его словам, вживался в образ своего героя 15 лет, и не скрывает, что влюблен в него.

⁵ Там же. — С. 102–110.

⁶ L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers est une encyclopédie française, éditée de 1751 à 1772 sous la direction de Diderot et D'Alembert.

См. также: Gustav Adolph Ackermann. Ordensbuch, Sämtlicher in Europa blühender und erloschener Orden und Ehrenzeichen. Annaberg, 1855, p. 209, n.°85 — „Orden von der Gensterblume“. — Google Book (Former orders of France: p. 205–214); Nichols J. G. (1842). „III. Observations on the Heraldic Devices discovered on the Effigies of Richard the Second and his Queen in Westminster Abbey, and upon the Mode in which those Ornaments were executed; including some Remarks on the surname Plantagenet, and on the Ostrich Feathers of the Prince of Wales“. In Society of Antiquaries of London. Archaeologia. Or: Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity. XXIX. — J. B. Nichols and Son, London. — P. 45.

⁷ Ле Гофф Ж. Там же. — С. 427–428, 492, 543.

⁸ Гарро А. Людовик Святой и его королевство. — СПб: Евразия, 2002. — Гл. 8.

- ⁹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. — С. 108.
- ¹⁰ D'Arcy Jonathan Dacre Boulton. *The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325–1520.* — Boydell Press, 2000.
- ¹¹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. — С. 499.
- ¹² Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. — М.: Прогресс, 1987. — Гл. 5, 6.
- ¹³ Ле Гофф Ж. Указ. соч. — С. 434–486.
- ¹⁴ Там же. — С. 234–235.
- ¹⁵ Данте Алигьери. Божественная Комедия. Чистилице. — Песнь седьмая. — М.: Худ. лит-ра, 1974.
- ¹⁶ Ле Гофф Ж. Указ. соч. — С. 236.
- ¹⁷ Гарро А. Указ. соч. — Гл. 9.
- ¹⁸ Успенский Ф. И. История Византийской империи. — Т. 3, отдел 8, гл. 6. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- ¹⁹ H. J. Chaytor. *A history of Aragon and Catalonia.* — Londres, Méthuen, 1933. — Chapter 10.
- ²⁰ Лотман Ю. М. Пушкин. Лотман. Гоголь. — М., 1988.
- ²¹ Рансимен С. Сицилийская вечерня: История Средиземноморья в XIII веке. — СПб: Евразия, 2007.
- ²² Война Сицилийской вечерни велась, преимущественно, силами наемников.
- ²³ Хайме I Арагонский. Хроника / *The Chronicle of James I, King of Aragon, Surnamed the Conqueror.* — Cambridge, London, 1883 [Электронная публикация]. — <http://libro.uca.edu/chronicleofjames/chronicle.htm>
- ²⁴ Рамон Мунтанер. Хроника / *Ramon Muntaner. Chronicle.* — Cambridge, Ontario, 2000 [Электронная публикация]. — http://www.yorku.ca/inpar/muntaner_goodenough.pdf
- ²⁵ Григора Никифор. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. — Том 1. — Книга 7: 3 [Электронная

- публикация]. — https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/rimskaja-istorija-nikifora-grigory-nachinayushajasja-so-zvatija-konstantinopolja-latinjanami-tom-1/7
- ²⁶ Роджер из Ховедена. Английские Анналы в двух книгах [Электронная публикация]. — http://drevlit.ru/texts/r/rodger_angl_an_text2.php
- ²⁷ По мнению Данте, Хайме II и Федерико II были куда менее достойными правителями, нежели их отец Педро III Великий.
- ²⁸ Свидетельством тому является Цветочный Крест на реверсе серебряных монет Роберта Мудрого, а также лилии на его короне.
- ²⁹ Эти замки располагались близ южного побережья Калабрии, где тогда велись основные военные действия. Их топонимические «следы» — современные названия коммун: Роккафóрте-дель-Грèко и Горио ди Роккафóрте. Сохранились и остатки одного из замков.
- ³⁰ Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах [Электронная публикация]. — <http://goo.gl/1AeVJ4>
- ³¹ Васильев А. А. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). — Л., 1925.
- ³² Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.) / Отв. ред. О. И. Прицак. — К.: Логос, 1997. — 224 с.
- ³³ Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской академии наук. — VIII серия. — Т. XIII. — № 6 и последний. — Петроград, 1922. — 58 с.
- ³⁴ Димитров Б. Цар Светослав Тертер. — София: Св. Климент Охридски, 2000. — 52 с.
- ³⁵ Успенский Ф. И. Указ. соч. — Разд. 8.
- ³⁶ *Chronicle of Muntaner.* *Hakluyt Society.* — Vol. 2. — P. 489–512 [Электронная публикация]. — <https://ia601609.us.archive.org/13/items/in.ernet.dli.2015.505358/2015.505358.chronicle-of.pdf>

³⁷ «Анатолія» (греч. ἀνατολή; тур. Anadolu) по-гречески значит восход (солнца), восток. Так называют азиатские владения Турции (в отличие от Румелии, европейской части Турции).

³⁸ Григора Никифор. Указ. соч. — Кн. 7, 3.

³⁹ Chronicle of Muntaner. Nakluyt Society. — Vol. 2. — P. 536–542 [Электронная публикация]. — <https://ia601609.us.archive.org/13/items/in.ernet.dli.2015.505358/2015.505358.chronicle-of.pdf>

⁴⁰ Грегоровиус Ф. История города Афин в Средние века (От эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). — М.: Издательство «Альфа-Книга», 2009. — Глава XIIд.

⁴¹ Известно, что в кочевых обществах число воинов — боеспособных мужчин составляет около 20 % населения. Оно обычно и указывается в источниках. Значит, в нашем случае общее число аланов, желавших переселиться, превышает 70 тысяч. Это целый народ.

⁴² Иречек К. Й. История болгарь. — Одесса, 1878.

⁴³ Григора Никифор. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. — Том 1. — Книга 6: 4 [Электронная публикация]. — https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rimskaja-istorija-nikifora-grigory-nachinayushajasja-so-vzjatija-konstantinopolja-latinjanami-tom-1/#0_2

⁴⁴ Мартурель Ж., Галба М.-Ж. де. Тирант Белый: Роман / Перевод П. Скобцева, М. Абрамовой, Г. Денисенко. — М.: Ладомир; Наука, 2005. — (Литературные памятники). — 832 с.

Научно-популярное издание

Андрей Олегович Добролюбский

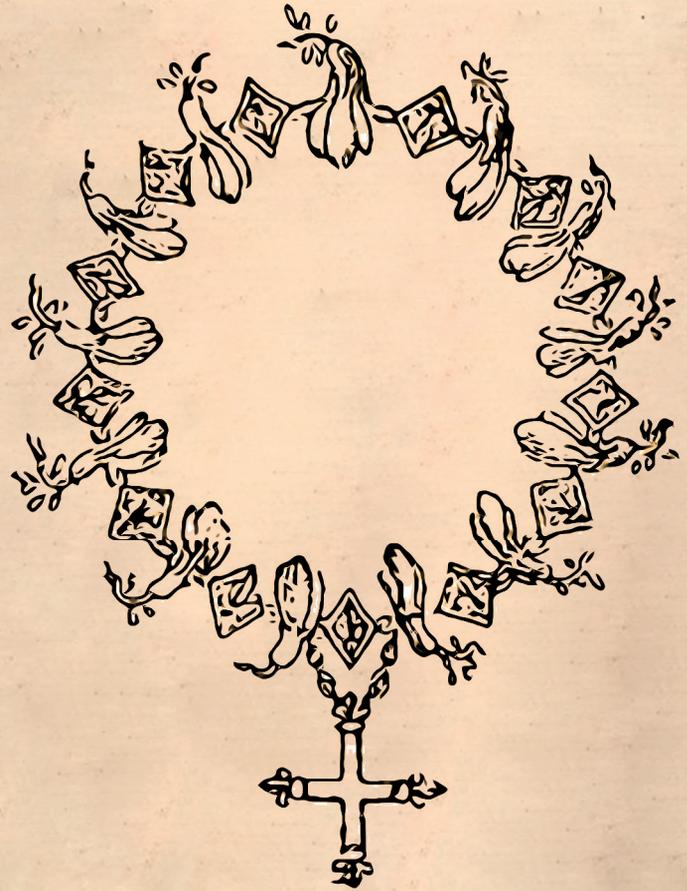
Имя ДРОКА

Под патронатом Всемирного клуба одесситов

Технический редактор, корректор — Е. А. Добролюбская

Подписано в печать 14.II.2018

Тираж — 50 экз.

El q' volch q' en l'ano muran fu
en lo començament d'ist' libre en lo p'vnce
capitoll' 2 en. — 178

Con lo dir. H. muran estant en la sua algru
li vech es villo. i. p'ho veal vestit de blancs
en. ii. capitolls 2 en. — 178

Con lo dir p'ho vech alera veçuda en voston
al dir. H. muran eli feu muranet en. iij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con començat aplan de l'ays d'arço 2 de
honor q' deus los haura ferat en. iij. capitolls
2 en. — 178

Con lo d'ey en q' p' q' mult
avari de ororpast' en. iij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con los phomes de
micitare ab. i. i. mult
d'ay q' mudon avari
la entra et dir p'ho
2 en. — 178

Con la d'ia or
bra et dir p'ho
q' al' dona, facios.

Con fo air lo H.
d'ia oradon avari ab
en. iij. capitolls 2 en. — 178

Con d'ist' p'ho d'ey
mich q' obra de deus en. ix. ca
pitolls 2 en. — 178

Con d'ey debades se crebillun q' ab lo
vol corpa. i. en. x. capitolls 2 en. — 178

Con d'ey gres que deus feu en s'vada
al dir p'ho. en. xi. capitolls 2 en. — 178

Con li començat de gres, q' deus li feu
en s'vada. en. xij. capitolls 2 en. — 178

Con m'it de rep' hac regir lo p'ge d'ull
creta 2 co feu manant al t'ore d'impures
q' feu la t'ou. i. en. xij. capitolls 2 en. — 178

Con hac p'ho d'impures 2 co ror lo d'eyne

se vere a ell 2 co l'epi oradon. i. d'impures
en. xij. capitolls 2 en. — 178

Con sen roma de oradon en
luma 2 es arço es anua de parat q' se
lochs en. xij. capitolls 2 en. — 178

Con los d'arçans d' d'eyne d'arçans
q' ore en rroia aball se al' p'ho. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con dona mult al juffant en Jacm s'co
fall p'ho. en. xij. capitolls 2 en. — 178

Con feu d'arçans en Jacm lo q' fall p'ho
en. xij. capitolls 2 en. — 178

Con lo dir p'ho d'ey en Jacm hac heras
2 co p'ho. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con hac rroia ab lo d'ey
en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con p'ho avari al
lo d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con hac p'ho comell
2 co d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con d'ey d'ey d'ey
2 co d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con d'ey d'ey d'ey
2 co d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con lo dir p'ho d'ey en Jacm p'ho d'ey
2 co d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con lo dir p'ho d'ey en Jacm d'ey ab ror se
poder p'ho el d'ey de d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con lo dir p'ho d'ey en Jacm hac p'ho la
2 co d'ey. en. xij. ca
pitolls 2 en. — 178

Con lo dir p'ho d'ey en Jacm hac p'ho

